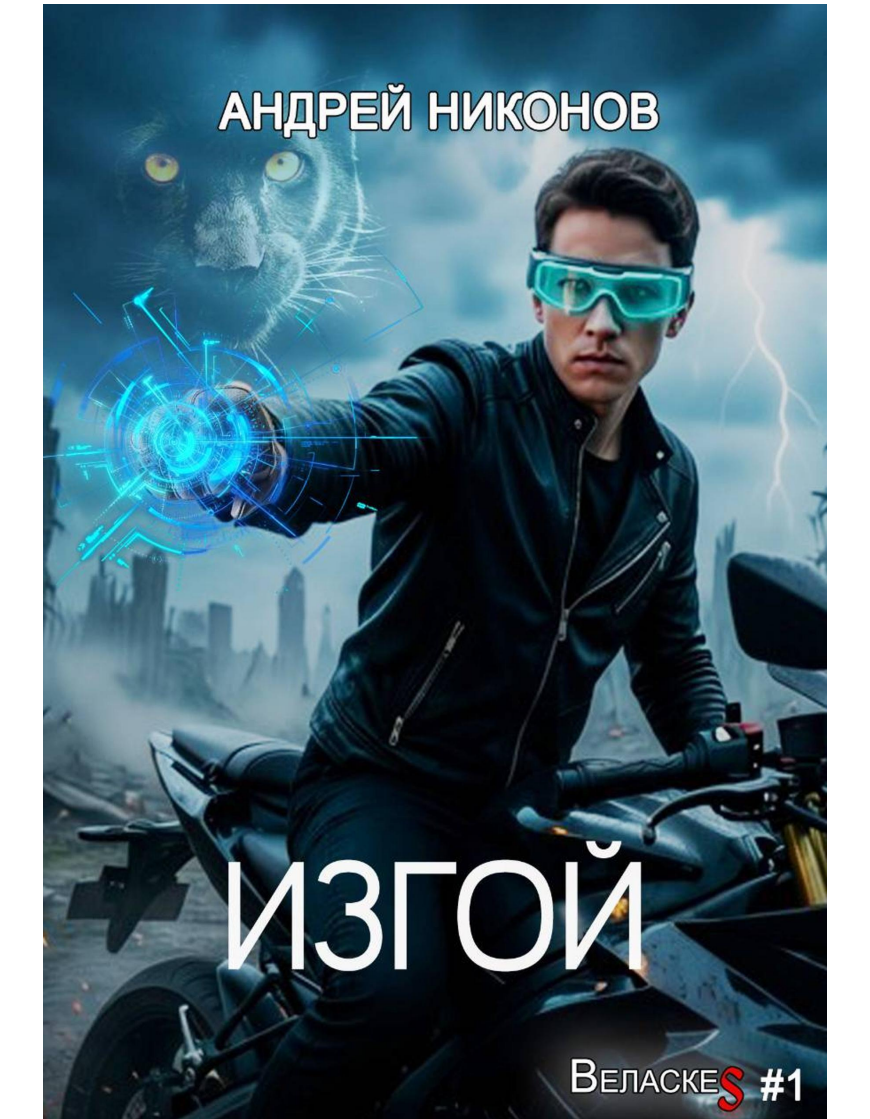

A movie poster for 'The Outcast' (Изгой). It features a man in a black leather jacket and futuristic goggles riding a motorcycle. In the background, a large tiger's face is superimposed over a cityscape under a stormy sky with lightning. The man is holding a glowing blue circular device in his right hand.

АНДРЕЙ НИКОНОВ

ИЗГОЙ

ВЕЛАСКЕС **S** #1

Андрей Никонов
Изгой
Серия «Веласкес», книга 1

<https://litres.ru/74190423>

SelfPub; 2026

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Затерянная колония в космосе. Павел Веласкес – потомок русских переселенцев с Земли. Он переживёт предательство отца, жизнь в приюте и обретение сверхспособностей, вступит в схватку с таинственной организацией, спасёт нелюбимую девушку и встанет перед выбором, который изменит всю его жизнь.

Все персонажи и события этой книги вымышлены, любые совпадения с реальными людьми (умершими, живыми и ещё не родившимися) случайны.

Содержание

Пролог. До катастрофы и немного после.	5
Глава 01.	35
Глава 02.	49
Глава 03.	63
Глава 04.	81
Глава 05.	95
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Андрей Никонов

Изгой

Все персонажи и события этой книги вымышлены, любые совпадения с реальными людьми (умершими, живыми и ещё не родившимися) случайны.

Пролог. До катастрофы и немного после.

Примерно 3 млн. лет назад.

Планета, вращавшаяся вокруг желто-белого карлика, имела все шансы стать обитаемой. Огромный океан с жидкой водой – а значит, водородом и кислородом, атмосфера с азотом и углеродом, собственное магнитное поле и вулканическая активность должны были обеспечить появление первых молекул РНК — при помощи минералов, солнечного света, самопроизвольно идущих химических реакций и падающих в океан астероидов. Когда количество таких молекул достигло бы критической массы, могла возникнуть новая полимерная макромолекула, способная копировать другие РНК-молекулы. Которые, в свою очередь, пробыли бы в этом состоянии ещё несколько тысяч, миллионов или миллиардов лет, пока кусочек какой-нибудь планеты или астероид со следами чужой жизни не упал на поверхность и не добавил в этот бульон немного ДНК. И уже тогда от этого симбиоза появились бы рыбы, динозавры и, возможно, даже хоббиты.

Но пока этого не произошло, РНК-молекулы обзавелись собственными оболочками, научились размножаться и по-

жирать друг друга, увеличились в размерах и заполонили всю планету. Их эволюцию прервал гамма-всплеск, который в двадцати световых годах от планеты сопровождал переход красного гиганта в нейтронную звезду, в глубинах океана остались только самые стойкие виды. И самые осторожные.

Однажды планете повезло – небольшой камушек из космоса, размерами около метра, врезался в атмосферу, но не сгорел, а благополучно приземлился на один из островов. Он ввернулся глубоко в породу, примерно на сто метров, невидимый конус образовал на поверхности пятно диаметром в три метра, отправил сигнал, в котором была вся информация об окружающем мире, и приготовился ждать.

Это заняло около ста тысяч оборотов планеты вокруг звезды. Камень, сбросивший защитную оболочку, и превратившийся в идеальный шар, получил наконец сигнал, и изменил цвет с серебристого на чёрный. Верхний слой почвы, окружённый проекцией конуса, покрылся невидимой мелкой сеткой, и начал перемещаться туда-сюда, с одной планеты на другую, в том ритме, который был заранее задан.

Первым на поверхности планеты появился мелкий грызун. Следом за ним ветер сдул с образовавшейся полости в сторону безжизненного грунта семена растений, бактерии, насекомых и споры грибов. Наступление чужой жизни на планету началось.

Октябрь 2027. Земля. Бразилия, штат Акри

– Это и есть знаменитая ведьмина поляна? – седой мужчина в военной форме без знаков различия, если не считать эмблемы рыси на рукаве, разглядывал окруженный камнями круг диаметром в три с половиной метра. Чёрный песок посреди разнотравья был замечен, только если подойти достаточно близко.

Его собеседник в полосатой рубашке, джинсах и кроссовках, с длинными волосами, затянутыми в хвост, и нацепленными на нос очками в тонкой оправе, только кивнул.

– Одна из, – капитан бригады специальных операций стоял чуть поодаль, следя, чтобы им никто не помешал, – местные считают это место проклятым уже сто или двести лет, и стараются без нужды здесь не появляться. Сами знаете, сеньор, такие поляны раскиданы по всей сельве, особенно там, где ещё остались аборигены. Христиан тут немного, в основном распространён культ кандомбле, или того похуже суеверия, кровавые жертвы не редкость. Так что никто и внимания не обращал, мало ли что болтают.

– Но эта поляна отличается от других?

– Да, – очкастый довольно улыбнулся, – она совсем другая. Мы занимаемся ей несколько месяцев, но уже какие-то выводы можно сделать. Судя по всему, это ворота в другой мир.

– Я читал отчёты, но до сих пор в голове не укладывается, что такое возможно. Где он вообще находится, этот другой

мир?

– Если бы мы знали. Возможно, в сотне световых лет, или вообще в другой галактике, или даже в другой вселенной. Астрономы разводят руками, остальные учёные – и подавно, мы о нашей-то планете ещё очень многого не знаем.

– А о той?

– Судя по первым данным, планета немногим меньше Земли, сила тяжести на семь процентов выше, состав атмосферы похож на земной, кислорода чуть меньше, углекислоты – больше, кроме азота, есть ещё аргон в небольших количествах. Давление на поверхности возле портала примерно соответствует земному на высоте двух тысяч метров. Небольшие проблемы с дыханием существуют, но они легко корректируются фильтрами и генераторами. Излучение местной звезды более жёсткое, долго там без защиты не пробыть. Все, кто туда отправляется, проинструктированы и действуют в основном ночью.

– То есть это не Земля из параллельного мира?

– Планеты похожи, но и различий много. Сутки – примерно тридцать часов, год – триста тринадцать суток, спектр звезды немного другой, нет луны, насколько мы знаем. Зато флора и фауна – практически не отличить. Точка выхода находится на большом острове, размером с Мадагаскар, растения и животные земной группы, вероятнее всего, перешли туда с нашей стороны и полностью подавили местные формы жизни. Мы считаем, что это окно открыто как минимум два-

три миллиона лет.

– А оттуда? – седой поднял голову, над ними барражировали вертолёты, три американских Чёрных ястреба и один бразильский.

– Живые организмы нормально переносятся только в одну сторону. Задержался на месте – считай, труп, все микроорганизмы уничтожаются. Естественный стерилизатор, мы проверяли на мышах, ни вирусов, ни бактерий, идеальная чистота.

– Капитан Ортега, это ведь то-то из ваших обнаружил, что что-то не так? – обернулся к военному седой.

– Да, сеньор, год назад. Один сержант в отставке, живёт в одной из деревень неподалёку. К нему приехал внук, он-то решил деду, а заодно и его односельчанам доказать, что ничего сверхъестественного не бывает.

– Принесли жертву и наблюдали за ней? – седой усмехнулся.

– Поставили видеокамеру. Результат вы наверняка видели в отчётах. Долгое время считали ролик шуткой, но у сержанта есть знакомые в Министерстве обороны, и он их каким-то образом убедил.

К ним подошла группа из четырёх человек, двое – из полицейского спецназа РОТА, и ещё двое штатских, мужчина и женщина средних лет, все четверо с рюкзаками за плечами и огромными баулами в руках. Дождавшись подтверждающего знака капитана, встали в круг, и через двадцать се-

кунд пропали. На чёрном пятне остался лист бумаги с лежащей поверх флешкой. Боец, стоящий неподалёку, метнулся в круг, подобрал появившиеся предметы, и тут же отбежал подальше.

– Примерно десять минут это пространство находится в нашем мире, десять – в другом, причём, кажется, одновременно, мы не можем уловить тот момент, когда оно ещё там, но не здесь, – очкарик кивнул на пятно. – Объём перемещения ограничен этим кругом, тремя метрами в высоту и примерно десятью сантиметрами в глубину от поверхности, всё остальное, что остаётся вне него, отсекается. Перемещение происходит мгновенно. Только что туда прошёл доктор Гомеш с женой, они знают, что не вернутся обратно. Гомеши – микробиологи из университета Сан-Паулу, будут исследовать тамошние бактерии. Но, судя по всему, микрофлора тоже занесена отсюда, собственной там нет.

– Только чужих болезней нам не хватало, от последней пандемии африканской оспы едва в себя пришли, – фыркнул седой. – Сколько там уже наших?

– Сто сорок шесть человек, – капитан, глядя на часы, махнул рукой, транспортёр с тремя поставленными друг на друга паллетами заехал в круг и остался там. – Первая группа уже почти четыре месяца находится на той стороне, потерь пока нет, хотя трудности с дыханием и излучением у людей присутствуют. Врачи всё время на связи, фильтры и защитные костюмы вроде помогают. Но если грузы пойдут вот так,

один за другим, и будет решение, что новую землю надо исследовать, на той стороне нужно будет больше людей. Намного больше.

Седой прищурился, стараясь засечь момент, когда произойдёт перемещение, но не смог – транспортёр исчез мгновенно.

– Каждый час мы получаем отчёт от нашей команды, стараемся набрать побольше информации, пока другие нас там не потеснят, – в голосе очкарика прозвучало раздражение. – Это наша страна.

– Это политика, – равнодушно сказал седой. – Иначе – война. Сейчас ничего не скрыть, с этим общим интернетом со спутников, секретные операции у малолетних задротов как на ладони. А там, за порталом, изолированное место, где никто не наблюдает, не действуют законы и патентные права, поэтому спецслужбы на ушах стоят. В ближайшее поселение прибыла первая группа из АНБ, через три дня прилетают китайцы из Второго управления, а там и русские должны подтянуться. Заседание ООН состоится на следующей неделе, и этой территорией займётся Совет безопасности, но надежды на какой-то порядок всё равно нет, каждый будет тянуть одеяло на себя. Только по уже поданным заявкам, до конца года на ту сторону перейдут три тысячи человек, и наших там будет едва ли пятая часть. Хорошо хоть нам разрешили дать новой земле своё название. Тера Сегунда.

– Наши политики, наверное, долго его придумывали, –

улыбнулся одними губами капитан, снова махнул рукой, в круг въехал ещё один погрузчик.

— Долго, — кивнул седой, — и это не самый худший вариант.

Сентябрь 2029, Земля, база возле портала на Сегунду

Молодой человек в потёртых джинсах и майке на два размера меньше, чем полагалось бы при его мощном телосложении, ростом почти под два метра, сошёл с трапа самолёта в новом аэропорту Акри, вместе с остальными пассажирами Аирбасс А350. Аэропорт явно не был гражданским — на вышках стояли пулемётные установки, территорию окружал забор из колючей проволоки и сигнальных тросов, каждого прилетающего досматривал военный патруль.

Рядом с молодым человеком шагала девушка, всего на полголовы ниже своего спутника. Правильное смуглое лицо с прямым носом, высокими скулами и поджатыми тонкими губами, крепкая фигура с неширокими бёдрами и едва выступающей грудью. В руках она держала тубус, который открыли, проверили содержимое — несколько листов бумаги, запечатали и отдали обратно.

Пассажиров погрузили в автобусы, и те тронулись к военному городку, окружавшему портал. Самолёт начал движение, выруливая на парковку, на полосу тем временем заходил транспортный Геркулес с эмблемой ВВС США.

На большой асфальтовой площадке пассажиров самолёта

пересадили в многочисленные микроавтобусы и джипы, парень и девушка уселись в белый Фольгсваген Транспортёр с российским флагом на капоте, водитель дождался, пока закончится перегрузка багажа, и тронулся в направлении российской базы.

Там эти двое прошли последнюю медкомиссию, получили комплект формы и фильтров, и через десять дней, после карантина, перешли через портал на другую сторону. Перед этим они подписали кучу бумаг, в том числе отказ от ответственности.

Врач, проводившая обследование в последний день, часто отвлекалась, и наклеила не ту бирку на шприц с анализом крови, так что утром пришлось взять биоматериал ещё раз.

Поэтому девушку никто не остановил. Положительный анализ на ХГЧ обнаружили только под вечер, когда пара уже была на другой стороне. Через восемь с половиной земных месяцев у пары родился ребёнок – первый младенец на Сегунде. Девочка, Мария Карпова, прожила девяносто восемь лет. Первые годы жизни она провела под пристальным наблюдением врачей, а потом и сама выбрала эту профессию, и даже возглавила первую на планете больницу. Мария стала первым человеком на той стороне, которому поставили биоимплант. Или, как их ещё называли, модификатор.

2033 год от РХ. Сегунда.

Расставленные ровными рядами армейские палатки кое-как спасали людей от жары – в это время года температура поднималась днём до пятидесяти пяти по Цельсию, ночью опускаясь до тридцати пяти. Капитальные здания только начали строить, сначала – деревянные, но сорта древесины, росшей возле портала, были или слишком плотными, вроде свитении или гевеи, или рыхлыми. Зато внизу, на равнине, обнаружили запасы глины, пригодной для изготовления кирпичей, установка по обжигу работала тридцать часов в сутки, и первые дома подставляли сверкали на солнце стенами, выкрашенными белой светоотражающей краской.

На площадке в трёх километрах от портала солнечные батареи собирали энергию и отдавали аккумуляторам. Оттуда она шла на насосы, качающие воду, и на генератор водород, установленный на безопасном расстоянии. Проложенный трубопровод литр за литром качал газ в латексные шары, военные, сменяя друг друга по двое, подцепляли к шарам метеоустройства, камеры, коротковолновые передатчики и прочее оборудование. В день удавалось запускать до тысячи штук. Не было такой точки на планете, куда бы не проникли зонды.

Учёные многое узнали о планете – куда движутся морские течения, с какой скоростью дуют ветра, как изменяется температура от полюсов до экватора. Нашли десятки тысяч небольших островков, разбросанных по океану, из них сотни достигали размеров Сицилии. Но не обнаружили ни одного

континента.

Людям повезло, они оказались на самом большом острове на этой планете. Райском острове. Параизу.

05 декабря 2041. Земля. Вашингтон

– Кто ещё об этом знает? – президент оторвался от листа бумаги с несколькими строчками четырнадцатым кеглем, строго посмотрел на советника по национальной безопасности.

– Русские и китайцы, – без запинки ответил советник. – И похоже, они узнали об этом одновременно с нами, возможно, даже чуть раньше. Наших союзников в Европе мы оповестили сорок минут назад.

– Что конкретно нам грозит? – президент перекинул взгляд на руководителя НАСА Рика Меррано.

– Астероид Нерей, обнаружен в 2036 году, вытянутой формы, длина один километр девятьсот семьдесят метров, должен был пролететь в сорока миллионах километров. Мы ещё собирались отправить станцию на него, но потом передумали. А потом его потеряли, приблизительно год назад. Теперь на его месте множество метеоритов, видимо, он разрушился непонятно по какой причине. Предполагаемое количество космических тел – до миллиона, основной размер от пяти до пятнадцати метров, из-за этого скорость немного замедлилась, и теперь он проходит точно через нас, – тот

вытер пот со лба. – Метеориты пересекают орбиту Земли со стороны Южного полушария под углом около тридцати градусов, летят нам наперерез с очень большой скоростью, почти сто километров в секунду. Сейчас ведём наблюдение с нескольких точек, в том числе с китайской станции слежения на обратной стороне Луны. Русская станция находится на венерианской орбите, наша система раннего обнаружения на орбите Марса тоже задействована.

– Это я уже прочитал. Когда и что произойдёт?

Меррано вздохнул. Это был подтянутый смуглый мужчина с толстым мясистым носом, от напряжения на низком лбу выступили бисеринки пота. Его выдернули буквально из кровати – в четыре утра по восточному времени. К разговору с президентом он был готов, к тому, что произойдёт, нет. То, что должно было случиться, гарантированно оставляло его без работы – от телескопов и спутников мало что останется, а новые ещё долго не появятся.

– Примерно девяносто пять процентов вместе с пылью пролетит мимо, и снесёт практически все спутники и станции, останется и Луне, особенно тёмной стороне, там, где китайский комплекс. Из остальных, которые не сгорят в атмосфере, восемьдесят пять процентов упадёт между пятнадцатой параллелью на севере и шестидесятой на юге. Это часть Центральной и вся Южная Америка, Австралия, большая часть Африки, и Индонезия. Ещё двенадцать-тринадцать процентов упадёт от пятнадцатой до сорок пятой и

на Антарктиду, нас затронет не слишком сильно, обычные бомбоубежища спасут большую часть населения, я надеюсь. Но накроет всю территорию страны вплоть до Канады. Пострадают Южная Корея, Япония, часть Европы, достанется и Китаю. Остальные два-три процента упадут на севере. Россия, Канада, Центральная и Северная Европа. Там разрушений будет гораздо меньше, меняется угол входа в атмосферу. Можно сказать, они практически не пострадают. Центр удара – пятнадцатая параллель на юге.

– Когда? – настойчиво повторил президент.

– Через двадцать пять дней. Первая волна, самая сильная, по предварительным прогнозам, ударит по Африке, а через пять часов – Аргентина, Бразилия и Карибы. Через облако осколков мы пройдем за пятьдесят часов, будет что-то похожее на ковровые бомбардировки по всей планете. Точные данные будут через несколько дней, когда мы сможем хотя бы определить, что это такое.

– Хорошо, я понял, можете идти. Держите меня в курсе.

Рик Меррано скрылся за тяжёлой дверью.

– Что-то ещё? – глава государства повертел толстую перьевую ручку, бросил на стол. Она покатилась, упала на пол, и осталась там лежать.

– Мы вполне успеваем вывезти часть своих людей в Канаду и на Аляску, особенно из южных штатов, где удар будет сильнее, и переместить запасы на оборудованные подземные пункты. Руководит операцией председатель комите-

та начальников штабов, он уже в курсе всех деталей, и обещает, что потери будут невелики. Наши союзники начинают эвакуацию в Северную Европу и Гренландию. Все запуски ракет к лунной и марсианской колониям откладываем, с орбитальными станциями можно попрощаться сразу. Китай поставил русским ультиматум, потребовал часть Сибири для эвакуации, там и так напряжённая ситуация, а тут ещё это.

– Не хватало нам только ядерной войны в последние дни существования цивилизации, – мрачно заметил президент.

– Что с порталом, на ту сторону кого-то можно вывезти?

– Китайцы, русские и бразильцы уже активно выводят туда персонал своих баз, тех, кого не смогут эвакуировать. Мы фиксируем резко возросший объём грузов и количество переселенцев. Своих людей с баз в Южной Америке мы тоже можем перебросить.

– В этом есть необходимость?

– С одной стороны, – советник пожал плечами, – особого смысла я не вижу. Сейчас на той стороне живёт двести тысяч человек, наших граждан – около тридцати тысяч, в основном военные и учёные, оборудования и запасов у них достаточно. С учётом соглашений, которые мы подписали, максимум, что мы можем за эти дни туда отправить, это пятнадцать тысяч человек – наша квота, пятая часть. Столько же у Европы, китайцев и бразильцев. И, соответственно, у русских. Не ясно, как всё повернётся после удара астероида, возможно, нам не стоит сейчас слишком сильно ссориться с ними. С

другой стороны, если мы на это не пойдём и совсем никого не отправим на ту сторону, то можем потерять там влияние. К тому же на той стороне можно что-то укрыть на время, на случай, если разрушения на Земле будут слишком серьёзные – технологии, передовые разработки, предметы искусства, и прочее. Но придётся считаться с Бразилией и Аргентиной, им просто некуда так быстро эвакуировать большую часть населения, не исключая, что начнутся столкновения, как только информация просочится в медиа, а объём перемещаемых грузов ограничен.

– Так нам надо вмешаться?

– Мы должны это сделать, в интересах национальной безопасности, – твёрдо сказал советник. – Обязаны.

31 декабря 2041

Земля.

Первые обломки астероида достигли земной поверхности в 22 часа по Гринвичу, упав в Гвинейский залив. Но за сутки до этого небо расцвело от мелких метеороидов, сгорающих в атмосфере. На Земле царила паника, те, кто мог убежать, забирались как можно севернее, заполняя покинутые города и посёлки в Сибири, приграничные районы Канады и Аляска были переполнены беженцами. Весь доступный для населения транспорт три недели только и делал, что свозил на новые распределительные пункты тёплые вещи, продоволь-

ствие и медикаменты, а тот, что был доступен правительствам – ценности, оборудование и ресурсы для заранее подготовленных бункеров.

В мире насчитывалось сто пятьдесят тысяч гражданских самолётов, за один рейс они вместе могли перевезти тридцать миллионов человек. Теоретически, за те двадцать пять дней, что были отпущены на эвакуацию, можно было перевезти три четверти миллиарда, но самолётам просто некуда было садиться, они кружили над отдалёнными аэродромами, принимавшими в лучшем случае десяток рейсов в сутки, многие, не дождавшись, приземлялись на шоссе. Даже те страны, у которых был свой крупный авиапарк, не успевали вывезти всех, Индонезия, Австралия и Новая Зеландия опустели только наполовину, люди брали приступом места на контейнеровозах, чтобы очутиться в местах вечного холода. Многие сидели и ждали, когда их вывезут, и так никуда и не уехали. Они забрасывали жалобами уже не работающие офисы чиновников – те сбежали в первую очередь.

В Северную Америку хлынул поток беженцев с юга. Те, у кого были машины, бросали их – дороги были забиты и движение встало, двухколёсный транспорт стал огромной ценностью, за мотоцикл могли убить. Люди шли пешком, бежали, плыли на лодках, стараясь продвинуться как можно севернее. Мексиканцы занимали дома в южных и центральных штатах США, а на их место приходили чилийцы. Человечество постепенно перетекало в северное полушарие.

В тех регионах, куда должна была упасть основная масса метеоритов, брошенные правительствами люди обустраивались как могли — копали землянки, защищали дома фанерой и кусками железа. Или вообще ничего не делали, и покорно ждали своей участи. Четыре миллиарда человек. Им всё равно некуда было деваться, бедняки умирают первыми.

Болид, падавший в Гвинейский залив, весил примерно десять тысяч тонн, и взорвался в небе, в пяти километрах над поверхностью, вниз упали обломки, которые особого вреда не причинили. Три часа именно такие и падали в океан, снимавшие это в прямом эфире беспилотники передавали грозную, но не катастрофическую картину. До тех пор, пока не подошла очередная порция обломков, которые оказались крупнее, чем предполагалось.

Первыми городами, которые разрушило практически полностью, стали Рио и Сан-Паулу. Следующим пал Буэнос-Айрес, метеориты ковровой бомбардировкой прошли по восточному побережью, считая всё на своём пути,.

На площадке, где находился портал, работы велись в ритме часового механизма, на круг ставились двухэтажные платформы, на которые забирались люди, плотно прижавшись друг к другу. Почти весь персонал баз была эвакуирован в первые дни, и теперь отсюда под надзором сил ООН забирали местных жителей — детей и подростков. Матери тихо плакали, навсегда прощаясь с детьми, отцы вместе с солда-

тами охраняли периметр, чтобы никто не влез без очереди. Тех, кто пытался кричать или протестовать, пристреливали на месте, несколько десятков трупов валялись неподалёку, их никто не убирал.

Нескончаемая очередь из людей начала рассасываться, когда на небе появились первые всполохи, за то время, которое оставалось для ухода, военные отрыли бункеры, заполнившиеся под завязку. Те, у кого не было шансов попасть в портал, передавали вперёд грудных младенцев – подростки могли держать их на руках, но всё равно оставалось ещё слишком много людей.

Обломок длиной в восемнадцать метров вошёл в атмосферу. У него были все шансы распасться на части, будь он из хондрокситов, но метеорит был из металла, почти из сердцевины астероида. Наружние слои частично испарились, превратив обломок в обтекаемое тело, скользящее вниз, словно блестящая смерть. Того, что осталось, хватило, метеорит упал чуть в стороне от порталной площадки, в двадцати метрах, убив всё живое в радиусе полукилометра.

На трёхсотметровой глубине прямо под площадкой, чёрный шарик размером с теннисный мячик свалился в образовавшуюся трещину. Пролетев около километра вниз, к центру Земли, он застрял, попав между двумя огромными плитами гранита. Пласты породы едва заметно двинулись, смыкаясь обратно и пытаясь сдвинуть появившееся препятствие. Гранит крошился, под его давлением шарик чуть деформи-

ровался, стал серым, и неожиданно пропал. Словно испарился.

17 год от Разделения.

Сидаже Алта (Верхний город), Параизу.

Восточный ветер решил, что пора показать этим пришельцам, какой он – настоящий холод на Тера Сегунде. Перекинулся через горы, и махом опустил температуру с тридцати пяти до двадцати, в небе набухли тучи, обещая такой редкий дневной дождь. Заодно они закрыли солнце, и люди выглянули на улицы без защитных очков и капюшонов. Вокруг, сколько хватало глаз, шла кипучая деятельность, мини-погрузчики сновали по улицам, местами уже покрытым бетоном, строились дома, неподалёку возводился католический храм.

Франсиску Гомеш, бодрый и подтянутый мужчина сорока лет, легко взбежал по ступеням больницы, кивнул медсёстрам, по пути осмотрел пожилого мужчину в инвалидном кресле, и прошёл в крыло, где занимались исследованиями.

– Ты представляешь, что учудил Совет, пока меня не было, – прямо с порога заявил он. – Они решили, что декабрь будет из пяти дней.

– Зачем? – молодая женщина не отрываясь смотрела на экран, одновременно водя пальцем по планшету.

– Так дней-то всего триста тринадцать, и они решили, что

хорошо, если в каждом месяце будет четыре недели, а весь декабрь мы будем отдыхать, Рождество одним махом и Новый год. Маша, ты меня слушаешь?

– Ещё бы, – от монитора Маша Карпова не оторвалась, но послала Франсиску воздушный поцелуй. – Правильно решили, а то с этими месяцами и неделями всегда была путаница, луны здесь всё равно нет. Садись, я тебе кое-что покажу.

Франсиску подкатил кресло к длинному, во всю стену, рабочему столу, уставленному приборами, и тоже уткнулся в монитор.

– Похоже на какую-то железу, – наконец сказал он. – Это кто?

– Бразильская выдра. Выловили в реке, чуть охотников не сожрала, они её и пристрелили. Сейчас уменьшу.

Изображение стало втягиваться, и появились привычные органы.

– Где это, надпочечники? Сколько же эта штука занимает места? И я сказал тебе, что ты прекрасна, как горный цветок?

– В этом всё и дело, – Маша улыбнулась, чмокнула Франсиску в щёку. – Это одна клетка, пять сотых миллиметра. Я проверила ещё мышей, рыб и пауков, только у мышей она есть. Полагаю, что и у остальных животных.

– И когда ты это нашла?

– Пять недель назад, сразу после твоего отъезда.

– погоди, – Франсиску отодвинулся, внимательно посмотрел на жену. – Ты это знала пять недель? Почему столько

времени ждала?

Маша промолчала.

– Полагаю, просто осмотром это не закончилась. Когда ты это сделала? – мужчина поджал губы.

– Одиннадцать дней.

– Ты можешь умереть.

– Милый, мы все тут умрём, если не сделаем что-то, этот мир нас не любит. Но он полюбил этих животных, значит, есть способ. Тебе не сказала, потому что знала, что ты будешь против. Да и связь была паршивая.

– Конечно, я буду против. Ты вполне могла эту штуку подсадить мне. В неизменном виде?

– Конечно же нет. Я сделала биоимплант, оставила только РНК, размножила, и в одну из копий подсадила свою ДНК. Потом неделю наблюдала, параллельно запустила обработку на компьютере.

– И на что это похоже? – казалось, Франсиску совершенно не огорчён.

– Вот, – Маша достала пенал, в котором лежали белые капсулы, все – пронумерованные. Ячейки с номерами 1,3 и 4 были пусты. – Эта штука поселяется в кишечнике, а потом появляется на одном из надпочечников, на третий или четвёртый день. Я второй день хожу без очков, и дышу без фильтров. Твой номер – два.

– Отлично, – мужчина забрал капсулу, не раздумывая проглотил. – Жаль, отец не дожил, он так хотел нормально

гулять по улицам и хоть раз искупаться в океане. Ты просто чудо, любовь моя. Знаешь, они обязаны будут назвать этот город в честь тебя. Ну или хотя бы больницу.

29 год от Разделения.

Нижнее поселение, Параизу.

Качели отчаянно скрипели, раскачиваясь всё сильнее и сильнее. Девочка лет восьми радостно смеялась, крепко схватившись руками за прутья. Дом находился на краю густого леса, расчистка территорий под новые кварталы шла ускоренными темпами, но ни рук, ни техники не хватало.

– Сильнее, – кричала девочка, выпрямляя ноги, когда качели неслись вперёд, и поджимая, когда они откатывались назад. Она была укутана с головы до ног, только очки торчали. – Давай ещё. Поднажми!

Отец улыбнулся, слово было не детское, и поэтому звучало забавно.

Возле забора появилась змеиная голова, таща за собой длинное тело, не меньше тринадцати метров, с плотно серовато-зелёной кожей, на которой словно нашлёпки в два ряда были оттиснуты бурые пятна, змея не спеша поползла к дому. Пришельцы распугали всю дичь, и ей приходилось нелегко, последний раз она ела три недели назад. Считать анаконда не умела, зато точно знала, что рядом находятся мягкотелые вкусные существа. Двое – точно, она решила начать с

того, что поменьше.

Женщина успела только закричать, когда удав начал обвивать её ноги, попыталась освободиться, но тот коротким движением сломал ей берцовые кости. Мужчина дёрнулся, чтобы кинуться к дому, но сначала попытался подхватить ребёнка. Резко дёрнул качели, они потащили мужчину за собой, ударив лбом о столб, и он потерял сознание.

Девочка от рывка свалилась вниз, перекатилась, и уселась на землю, глядя на мать.

– Беги, – закричала та, змея потихоньку обвивалась вокруг женщины, когда жертва сопротивляется и кричит, её тело становится особенно вкусным.

Ребёнка не надо было упрашивать, девочка вскочила, встретила глазами со змеёй, та тоже замерла, покачивая головой, и пристально смотрела на десерт немигающими глазами.

– Давай же, беги, – прохрипела мать.

Навряд ли она заметила, что глаза у девочки поменяли цвет, стали из серых салатовыми. Словно кто-то управлял её телом, она вытянула руку ладонью вперёд, а потом резко сжала пальцы. Змея вспыхнула изнутри, в прорехи в коже вырывалось пламя, она вытянулась, стоя на кончике хвоста, так, что оказалась выше конька крыши дома, а потом рухнула на землю.

Ирма Рубин стала первым зарегистрированным ESP, эспером – человеком с экстрасенсорными способностями. В

народе их прозвали магами, и это название через пятьдесят лет стало официальным, но в документах после фамилии, через запятую, всё равно писали английскую аббревиатуру.

*7 марта 218 года от Разделения, суббота
Сидаже-Алта, Объект Ноль*

В сорок седьмом году после Разделения, когда надежда вернуться на Землю или хоть как-то с ней связаться практически пропала, порталную площадку на плоскогорье закрыли стеной, а ещё через двадцать лет – накрыли бетонным саркофагом. Возле круга, через который здесь появились земляне, круглосуточно дежурил наряд, десяток камер следил за тем, что происходит, а точнее говоря – не происходит в контурах портала, а в самом портале около сотни камер и датчиков фиксировали малейшие изменения.

Помимо установленных в саркофаге экранов, информация шла на единый пункт наблюдения, возведённый в километре от портала, на возвышении. Все данные передавались исключительно по кабелям, через каждый метр кабеля стояли датчики. В пункте наблюдения тоже дежурили постоянно, как люди, так и искусственный интеллект. Он первым подал сигнал утром в субботу, 7 марта, через двести восемнадцать лет после того, как портал исчез.

– Фиксирую изменения, – начальник смены пункта наблюдения лейтенант Маккензи тут же связался с командованием

сил обороны. – Уровень – четыре.

Полковник Лапин прибыл на место только через семь часов, вместе со следующей сменой, чтобы не привлекать внимания к произошедшему событию – одна из стандартных инспекций, которые проводились время от времени, и тут же прошёл в зал обработки информации.

– Вкратце, – попросил он.

– Сигнал возник в пять-тридцать первой трети, – Маккензи немного волновался, за те семь часов, которые он ожидал визита полковника, компьютер обработал информацию несколько раз, выявляя малейшие детали. Лейтенант поправил браслет на вспотевшей руке. – Длительность – шесть фемтосекунд. В ловушку попали фотоны явно с другой стороны, часы в портале и рядом с ним тоже зафиксировали разницу.

– Изображения?

– Нет.

– Ошибка оборудования?

– Возможно, – Маккензи кивнул, – вероятность около сорока процентов.

– Значит, шесть из десяти за то, что портал заработал, – Лапин потёр мочку уха, – это единичное явление, или раньше такое случалось?

– Нет, ничего подобного не было, – лейтенант вывел на экран список всех нештатных ситуаций. – Первые годы считалось, что портал работает, но потом все отклонения от ну-

ля нашли логическое объяснение. Теперь каждый раз после такого случая оборудование заново настраивается, и сейчас сигнал засекли все датчики с нужным разрешением.

– Фемтосекунда?

– Да. Видимый свет колеблется с частотой десять в пятнадцатой герц, то есть один раз за полторы фемтосекунды. Проведённый анализ утверждает, что портал мог работать и раньше, просто мы не способны были это уловить – у оборудования есть своя инерционность, от которой невозможно избавиться. А сейчас длительность перехода увеличилась, и датчики это обнаружили.

– То есть, мы знаем, что есть связь с той стороной, и наши датчики там побывали, но что именно они там могли увидеть, мы не знаем?

– Примерно так.

– Плюнь на компьютеры, – посоветовал полковник.

– Простите? – Маккензи чуть напрягся.

– Ты же маг, у вас чутьё, как у ягуаров. Сними браслет, и подумай. Нет, предположи, что произошло.

– Мне будет нужно...

– Снимай. Доусон, держи его на мушке. Если лейтенант через минуту не наденет браслет, стреляй.

– Есть, – сержант достал пистолет, прицелился.

Маккензи кивнул, и на выдохе стянул браслет с руки. Прикрыл глаза, чувствуя, как планета отдаёт ему частичку самой себя, досчитал до пятидесяти и надел браслет обратно. Но

глаза не открывал, проблески каких-то предчувствий и решений проскальзывали в сознании.

– Время, – наконец сказал он. – Длительность будет увеличиваться, равно как и промежуток между переходами. Я бы сказал, что изменения будут происходить скачками, и в конце концов откроется постоянный переход, но учтите, полковник, этот бред пришёл мне в голову только потому, что вчера я немного перебрал и не стал нейтрализовать алкоголь.

– И как думаешь, когда мы выйдем хотя бы на несколько секунд доступа, чтобы запустить дронов?

Маккензи задумался.

– Лет через сто-сто пятьдесят, – наконец сказал он. – Не могу понять, почему, но в голову приходит картинка с помехами. Словно что-то пытается прорваться, но не может, и накапливает потенциал для изменения. Расширяет прореху пространства.

– И эту пространственную ткань он порвёт через сто пятьдесят лет? – уточнил Лапин.

– Считайте это глюками и так не совсем нормального сознания.

– Ты проходил тестирование, и абсолютно адекватен, иначе бы тебя не взяли в армию и тем более в силы обороны. Если ты прав, мы назовём это твоим именем, – полковник сделал пометку в планшете. – Или наши потомки назовут. Эффект Маккензи – звучит неплохо, так что с сегодняшнего дня, капитан, ты единолично отвечаешь за работу объекта.

Подбери команду из своих, тех, кому доверяешь, максимум четыре человека, чем чёрт не шутит, может, и вправду в магии есть что-то полезное.

апрель 328 года от Разделения

Вокруг Сола крутились четыре планеты. Две – практически одинаковые, размером с Марс, третья, Сегунда занимала вторую по счёту орбиту между ними, на самой дальней, четвёртой, находился газовый гигант с многочисленными собственными спутниками и пылевым кольцом. Пятым спутником Сола был коричневый карлик, вокруг которого вращались две луны. Ближайшая к Солу звёздная система с красным гигантом в центре находилась в пяти световых годах, в радиусе десяти световых лет звезд было четырнадцать. Их, а также другие, гораздо более удалённые объекты, можно было наблюдать с поверхности Сегунды в обычный телескоп. За то время, пока связь с Землёй не прерывалась, колония получила достаточно научного оборудования, чтобы проникать в глубины космоса. Но звёздное окружение было чужим, ничто не подсказывало, где именно оказались переселенцы, и где находится материнская планета. Не помогали ни квазары, ни пульсары, возможно они были на положенном месте, но с учётом смещения их пульсация была другой. Через трёхметровый цилиндр протащить части космических ракет было невозможно, и поселенцы довольствовались

крохотными, весом не больше килограмма, спутниками, запускаемыми с помощью космической пушки – разгонного электромагнитного устройства. Пользы от них почти никакой не было, жёсткая радиация Сола выводила из строя большую часть электронных систем на высоте от пятисот километров, а магнитное поле планеты глушило радиосигналы.

К середине двухсотых годов руководство колонии окончательно разуверилось в необходимости запуска искусственных спутников Сегунды, Оборудование и образцы были перевезены на остров Гагарин в двух тысячах километров к северу от Параизу, вместе со специалистами и их семьями, в двести семьдесят шестом году, к этому времени на высоте в пятьдесят тысяч над планетой зависли сто четырнадцать рукотворных аппаратов, которым удалось уцелеть. Управление расформировали, а остатки передали в Силы обороны – кому, как не военным, заниматься совершенно бесполезными и очень дорогими проектами.

К триста двадцать восьмому году к ста четырнадцати аппаратам, большая часть которых давно вышла из строя, прибавились всего шестьсот, длинный ствол рельсотрона диаметром в двадцать сантиметров и длиной в сто сорок метров большей частью простаивал. Но работы не прекращались, рядом с рельсотроном возвели новое сооружение – огромный, диаметром в сто двадцать метров, барабан, который разгонял внутри себя снаряд под действием центробежной силы, и выбрасывал вверх. Теоретически такой разгонный

блок мог выплюнуть массу в пятьсот килограммов на высоту в триста пятьдесят километров, космический аппарат с помощью плазменных двигателей должен был уйти на высокую орбиту, и там уже раскрыть сол-панели. Двенадцать предыдущих запусков закончились ничем – аппараты упали в океан, предварительно разрушившись в атмосфере.

– Pater noster, qui es in caelis, – начальник департамента полковник Жозе Пинту ди Сантуш перекрестился, поцеловал крестик, и вдавил ладонь в красный квадрат на панели управления.

Мощные магниты загудели, сдвигая с места полтонны груза. Через тридцать семь минут титановая пуля в керамической облицовке пробилла атмосферу, вышла на низкую орбиту, включила маршевые двигатели, и под радостные крики и аплодисменты тех, кто наблюдал за запуском, начала подниматься. На высоте в пятьдесят тысяч аппарат сделал несколько десятков витков вокруг планеты, постепенно разгоняясь, и когда скорость достигла десяти километров в секунду, устремился в межпланетное пространство. Следом за ним с интервалом в два часа в космос отправились ещё шесть таких же аппаратов.

Глава 01.

17 марта 318 года от Разделения, вторник.

Верхний город (Сидаже Алта), остров Параизу, Сегунда.

Просторная столовая была уставлена дорогой мебелью, не какой-то там модной поделкой из биопластика, а настоящей, деревянной, из массива махагона. Белоснежная ска-терть спускалась почти до пола, выложенного плитами местного крапчатого мрамора.

Окна, несмотря на то, что уже почти наступила ночь, были плотно зашторены, помимо ткани, стекло дополнительно затемнялось специальной плёнкой, чтобы как можно меньше лучей солнца проникало внутрь. Естественное освещение заменял свет, льющийся с потолка, не очень яркий, он равномерно освещал комнату, практически не давая тени.

– Я не буду это есть! – мальчик лет шести-семи, худой до прозрачности, швырнул вилку на стол. Она ударилась о край фарфоровой тарелки и звякнула. – Ни за что! Сколько можно, Мири, я ненавижу свинину. И яйца. И овощи.

– Не капризничай, – высокая черноволосая девушка с тонкими чертами лица встала из-за стола, забрала почти полную тарелку, швырнула в проём моечной машины. – Смотри, какой тощий стал, северным ветром сдует. Где ты силы возь-

мёшь, великий мастер?

– Найду, – мальчик спрыгнул на пол, тяжёлый резной стул массивно скрипнул. – Ты мне не мать. А я уже взрослый, и сам решаю, что мне делать.

Девушка только головой покачала, грустно улыбнулась. Потрепала мальчишку по густым русым волосам.

– Иди-ка ты спать, вернётся отец, пусть сам тебя воспитывает.

Мальчик остановился на лестнице, перегнулся через перила, серьёзно, по-взрослому, посмотрел на девушку, его глаза с чёрной радужкой, сливающейся со зрачком, блеснули в неярком свете.

– Ты прекрасно знаешь, что ему плевать на меня и то, что я делаю. Прости, что нагрубил, Мириам, я люблю тебя. Пойду к себе, поиграю немного, и лягу в кровать.

– И я тебя люблю, малыш, – девушка заморгала, закусила верхнюю губу. – Не задерживайся надолго в этой своей игре, ладно?

От планшета мальчика отвлек звук разбитой посуды внизу – дверь он не закрывал полностью, чтобы не пропустить тот момент, когда брат вернётся домой, и как обычно спрятаться куда-нибудь подальше. Негромкие голоса он услышал, когда вышел в коридор. Прочная лестница пережила несколько поколений хозяев особняка, но даже не скрипнула, когда он поставил ногу на верхнюю ступеньку.

Через перила было видно, как какой-то человек в чёрном держит Мириам за руки, прижимая к себе, а второй что-то спрашивает. Что именно, мальчик не слышал, звук голоса доносился неразборчиво. Видимо, неожиданного гостя ответы девушки не удовлетворили, он залепил ей пощёчину. Голова Мириам мотнулась в сторону, из уголка рта показалась кровь.

— Где он? — повысив голос, спросил второй. — Я тебе все кости переломаю, тварь.

И почти не замахнувшись, ударил девушку кулаком в живот.

— Держи крепче, — кинул он первому, девушка согнулась, пытаясь выкашлять из отбитой диафрагмы воздух, и тому приходилось её удерживать почти на весу.

Второй удар локтем в лицо был, видимо, очень болезненным, потому что Мириам тихо завывала. Этот вой заставил мальчика сжаться, вцепившись в стойки перил, сесть на ступеньку и зажмуриться. Дети верят, что если они что-то не видят, то этого не существует. В этот раз такой способ не прокатил, мальчик слышал, как сестру избивают, как ей задают вопросы, а она пытается ответить, но у неё это не получается, потому что из горла вырывается только хрип. Он открыл глаза — Мири уже лежала на полу, один из налётчиков поставил ей ногу на живот, а второй прижал подошвой колено, и сильно надавил.

— Никто тебя не спасёт, лучше скажи, где твой брат это

прячет, и мы уйдём.

Мальчик внезапно поймал её взгляд.

В нём была боль. И беспокойство за него. Девушка просто утопала в боли, но все равно, беспокойства было гораздо больше.

Первый проследил за её взглядом, окликнул второго.

– Смотри, эй, оторвись на секунду. Там какой-то пацан сидит. Давай сюда этого мелкого говнюка, если его прижмём, она нам точно всё расскажет.

Второй снял ногу с колена девушки, и, ослабившись, двинулся в сторону лестницы, широко расставив руки. Словно невод. Желание убежать было вполне естественным, мальчик дёрнулся, второй тут же выхватил из кобуры пистолет, навёл на него.

– Не глупи, малец, – серьёзно сказал он. – Я выстрелю быстрее, чем ты успеешь одно движение сделать. Спускайся сюда, плохого тебе никто не сделает.

Мальчик посмотрел на нацеленное на него дуло, в смятении перевёл взгляд на Мириам, та лежала на полу, из её глаз текли слёзы, смешиваясь с кровью. «Беги», – прошептали её губы. Он встал, голова едва виднелась над перилами, сделал шаг вниз, ещё один, спустился на площадку, тот, с пистолетом, уже был рядом.

– Молодец, – сказал второй. – А ты, сучка, начинай говорить. Потому что сначала я прострелю ему колено, а потом, если так ничего и не узнаю, убью вас обоих. Считаю до трёх.

Раз... два...

– Советник да Коста Гомеш?

Не отвечая, грузный мужчина среднего роста, черноволосый, со смуглой, оливкового цвета кожей, хищным ястребиным носом и карими глазами, прошёл в холл, следом за ним – худощавый молодой человек со шрамом на щеке, в костюме и при галстукe, едва переступив порог, он махнул рукой, восемь бойцов в тёмно-синих комбинезонах, с карабинами в руках, рассеялись по дому. Полицейские пытались протестовать, но их сначала оттеснили, а потом приставили к стене, направив на них оружие.

– Я подам жалобу, советник, – попытался возразить детектив.

– Сколько угодно, – Матеуш Сантуш да Коста Гомеш стоял возле своей дочери. Плечи его чуть опустились, дыхание, и до этого тяжёлое, стало прерывистым.

– Где этот доктор? – рявкнул он.

– Сеньор Шварц будет меньше чем через минуту, – доложил человек со шрамом. – Его уже ведут. Поторопить?

– Да, – советник присел на корточки, провёл рукой по полу, прерывая ручеёк крови, посмотрел на испачканный палец, зачем-то его понюхал.

Его помощник прищурил правый глаз, прижав пальцем

микрофон за ухом, и через несколько секунд в холл втокнули невысокого толстенького человека в очках-гогглах, с небольшим чемоданчиком в руках, в рубашке, джинсах, и с красным крестом на массивной золотой цепочке. Коротко кивнув советнику, врач, неожиданно для его комплекции резво, подскочил к телу, одновременно вытаскивая из чемоданчика вязкую, похожую на красное тесто, массу, и покрыл ей на лицо и шею девушки. Практически одновременно он нацепил ей на здоровую руку чёрную манжету, разорвал сорочку, обнажая грудь, и бросил на неё три шарика, которые почти сразу впитались в кожу. Двумя пальцами снял накладку аптечки первой помощи с живота, брезгливо отбросил в сторону. Поводил пальцем в воздухе, исследуя только ему видимое изображение.

Всё это время советник терпеливо ждал, и только когда врач поднялся, то и он, кряхтя, встал на ноги.

– Будет жить, – спокойно сказал доктор Шварц. – Два, может три месяца основного лечения, потом полгода реабилитации, состояние я зафиксировал, операция пока не нужна, основные повреждения от ударов, а значит, внутренние. На первый взгляд, её не пытались убить, только избивали, а потом выстрелили, один раз, скорее всего обычный шокер. Сложный перелом позвоночника, затронуты практически все органы, тяжелее всего пришлось селезёнке и печени, но вашей дочери всего девятнадцать, так что, если будет нужно, вполне сможем вырастить новые, и они отлично при-

живутся, а до тех пор стабилизируем. В сознание придёт через две-три недели. Рафаэль.

– Да, – помощник со шрамом стоял метрах в пяти от хозяина и врача, и переместился к ним практически мгновенно.

– Клиника святой Марии, второй корпус, третий этаж. Я уже предупредил, там ждут.

– Это безопасно? – спокойно спросил советник.

– Опасно везде, – Шварц отошёл чуть в сторону, двое парамедиков бережно уложили тело на носилки, и в сопровождении пятёрки бойцов вынесли из дома. – Здесь я бы не рекомендовал, но если пожелаете...

Советник посмотрел на Рафаэля, тот кивнул. Шварц дождался кивка советника, улыбнулся и вышел вслед за своими подручными.

Советник да Коста Гомеш еле заметно вздохнул, печатая левой подошвой кровавые следы, подошёл к полицейским.

– Офицеры?

– Второй детектив Уэст и патрульный первой ступени Корсаков, – представил себя и напарника старший. – Вызов пришёл двадцать минут назад, анонимный звонок. Тело обнаружено в холле, судя по данным детекторов, кроме ваших детей, никого в доме не было. К камерам у нас доступа нет. Вас оповестили сразу, время ожидания – одиннадцать минут. У вас в регламенте стоят пометки, поэтому мы оказали только первую помощь, и ничего не осматривали.

– Хорошо, – советник кивнул. Посмотрел сначала на обугленный труп налётчика, потом на сына, съёжившегося под лестницей. – Он?

– Судя по всему, да, – кивнул Уэст. – Служба контроля скоро будет здесь, мы не могли не вызвать, сами понимаете, таковы правила...

– Подтверждение.

Уэст протянул прозрачный прямоугольник, советник Гомеш приложил левую ладонь, отпечаток засиял оранжевым. Детектив удовлетворённо сощурился, потянул напарника за рукав, и они чуть ли не бегом выскочили из дома, а потом и за ворота.

Дождь продолжал моросить, мерзкие крохотные капли так и норовили проникнуть в любую доступную щёлку, холодный воздух неприятно холодил и без того замёрзшие мокрые щеки.

Тройка бойцов держала полицейских на прицеле, крохотные красные пятнышки скакали туда-сюда по одежде.

– Отвратная погода, – Уэст, не обращая внимания на нацеленное оружие, посмотрел на небо, поёжился, включил подогрев, натянул перчатки, – этот город окончательно испортился.

– Никак старшенький приехал, – Корсаков кивнул на мотоцикл, вырывающийся на подъездную дорожку. С него спрыгнул крепко сложенный молодой человек, ринулся в дом. – Это ведь он только что на Синей улице бордель чуть

не разгромил? Опять на него жалобы с утра будут, и опять папаша его отмажет, вот увидишь. Подумаешь, пятый советник Гомеш, большая шишка. Девчонку жалко, но эти сволочи нас ни во что не ставят.

– Попридержи язык, а то тут долго не продержишься. Если сам захочешь перевестись в Нижний город, или на свободные территории, так лейтенанту и скажи, – Уэст залез на свой байк, активировал шлем. – Поехали отсюда, это теперь не наше дело.

Парень в военной форме, которая подчёркивала бугрящиеся мускулы, вбежал в дом, чуть не вырвав стокилограммовую дверь вместе с петлями, бросился к отцу, но вовремя притормозил от замораживающего взгляда.

– Ты где был? – советник Гомеш отступил на шаг от маленького сына.

– Что с Ми? Она жива?

– Да. Я задал тебе вопрос.

– На службе задержался, подчинённые опять вместо дежурства по шлюхам пошли, пришлось наказать, – старший сын встал рядом с отцом, кивнул на брата. – Это он виноват? Узнали, кто напал?

– Внешние камеры не работали, их вырубили дистанционно, на внутренних всё есть, посмотришь потом.

– Это он виноват, я уверен. Это ты виноват, ублюдок! – изо рта старшего вылетела капелька слюны. – Мразь при-

блудная, если с Ми что-то случится, я тебя своими руками придушу, гадёныш.

Мальчик съёжился ещё больше, стараясь вжаться в дощатые панели.

– Оставь его, Эйтор, он не виноват, – холодно сказал советник. – Объясни, почему он говорит, что искали тебя?

– Чушь, – Эйтор негодуя махнул рукой. – Этот проклятый сын шлюхи выдумывает.

– Да? – Гомеш усмехнулся. – Ублюдок, как ты любишь его называть, спас твою сестру, если не он, убийцы бы с ней расправились. Рафо!

Эйтор испуганно вздрогнул, помощник советника появился как всегда – словно из ниоткуда.

– Выяснили, кто это?

– Уверенности нет, но скорее всего – со Свободных территорий, я уже запросил наших информаторов. Нападавшим помогал кто-то из прислуги, охранный периметр не нарушен, они вошли через заднюю дверь, знали код и настройки сканеров. На камерах стандартные подменные лица, голоса искажены, отпечатков нет, зато у нас есть образцы ДНК – тело выгорело изнутри, но частички кожи остались.

– Хорошо, занимайся, результаты мне нужны сегодня. И порасспроси Эйтора. Я разрешаю.

– Так и сделаю, – Рафаэль улыбнулся, его шрам собрался в уродливое бугристое пятно, а старший сын окончательно упал духом. – Служба контроля будет через минуту. Мы не

можем им помешать.

– Закон един для всех, – Гомеш наклонился к мальчику. – Паулу, посмотри на меня. Всё хорошо. Ты вёл себя правильно.

Мальчик вздрогнул, отец настолько редко его хвалил, что можно было по пальцам пересчитать. На одной руке, и то остались бы лишние. И насчёт того, что всё хорошо, он был совершенно не уверен.

В холл не торопясь вошёл седой старик в очень дорогом костюме, с тускло-металлической тростью и кожаной папкой, сверкнул золотой оправой очков. Казалось, дождь снаружи специально обошёл его стороной, равно как и грязь на дорожке – идеально вычищенные ботинки ручной работы сияли. Тонкий крючковатый нос чуть подрагивал, на кровь старик взглянул равнодушно и мельком, а на обожжённое тело – очень внимательно.

– Привет, Матеуш, – он протянул руку советнику, тот крепко её пожал. – Я решил приехать сам.

– Ценю это, Эл.

– Ещё как ценишь, – старик усмехнулся. – Ну что, где наш герой?

Не дожидаясь ответа, легко, словно ему было лет двадцать, присел рядом с Паулу на корточки, порылся в кармане.

– Протяни руку, сынок. Левую, ладошкой вверх. Сожми

кулак. Вот так, молодец. Сколько лет?

– Шесть, почти семь, – Гомеш усмехнулся. – А то ты не знаешь.

– Я думал, уже восемь, так поджечь негодяя – не каждое пробуждение силы способно, – Элайя встал, увлекая мальчика за собой. – Утрясём формальности. Его мать не появлялась?

– Нет, – советник недовольно поморщился.

– Она ведь русская? Точное имя и фамилию не помнишь?

– Я знал её как Айрин. Небольшой посёлок километрах в сорока от Модены, сомневаюсь, что у местных вообще есть ай-ди. Когда забирал ребёнка в приюте при местной церкви, её там уже не было.

– Родственники со стороны матери?

Гомеш покачал головой.

– Хорошо, будем считать, что с этого момента трёхлетний срок пошёл, если никто не объявится, значит сами отказались. Пробная модификация?

– В год и три – отрицательная, в пять – неясный прогноз. Доктор Шварц посоветовал пока ничего не делать, сказал, что лучше подождать до семи лет, а до этого только наблюдать. Отклонений не было, но мы всё равно надеялись, сам понимаешь, для нашей семьи это много значит.

– Врачи тоже ошибаются. Хотя семь-восемь лет – оптимальный возраст для пробуждения, но иногда и раньше случается, важен импульс, толчок. Вот как у вас. Хорошо, фикс-

сирую данные для протокола. Паулу Гомеш, шесть полных лет, мужского пола, величина выброса с учётом коррекции – восемь на двенадцать, состояние стабильное, в сознании, адекватное восприятие. Блокирующий браслет с номером 82745 на левую руку надел я, доктор Элайя Кавендиш, старший инспектор отделения Службы контроля. Родственники со стороны матери отсутствуют. Отец – Матеуш Сантуш да Коста Гомеш, идентификация проведена. Родство подтверждено. Матеуш, решение за тобой. Процедуру ты знаешь, я бы рекомендовал пять лет наблюдений в приюте. Понимаю, что много, но восьмёрка в его возрасте...

Гомеш подошёл к сыну, встал за его спиной, положил руки на плечи.

– Я, Матеуш Сантуш да Коста Гомеш, пятый советник Верхнего города, отрекаюсь от Паулу Гомеша, отказываю ему в родовом имени и изгоняю из семьи, говорю это от себя, моего отца, моей матери и их родителей. Навсегда.

– Уверен? – главный инспектор даже очки снял, недоверчиво вглядываясь в лицо старого знакомого.

– Абсолютно, – ответил советник.

Его старший сын не скрывал торжествующую улыбку.

– Это твоё окончательное решение? – Элайя казался расстроенным. – Ты ведь знаешь, что изменить его будет нельзя?

Гомеш решительно кивнул.

– Личные вещи?

Советник чуть качнул головой, двое бойцов поставили рядом с выходом ребристый ящик.

– Ну что же, нам пора, – советник взял мальчика за руку, тот не сопротивлялся. – Попрощаться хочешь?

Паулу с надеждой взглянул на отца, тот равнодушно покачал головой. Отворачиваться не стал, спокойно смотрел на мальчика. Кавендиш еле слышно вздохнул, сжал детскую ладошку.

– Ладно, идём, малыш. Таким, как ты, здесь не место.

Глава 02.

август 334 года от Разделения

Нижний город (Сидаже Фундо), Параизу

На Земле, откуда все люди родом, Соль бело-жёлтый, очевидцев в живых не осталось, но старые фильмы и картинки не врут. Здесь его собрат почти белый, с красноватыми пятнами, похожими на перистые облака. Прямо на него, пока нет внутренней защиты, без специальных фильтров смотреть не рекомендуется, и долго оставаться под прямыми лучами без одежды – тоже. Тело через какое-то время покрывается волдырями, которые потом держатся сутки, не меньше. Минимум тридцать часов. С каждым разом этих волдырей всё больше и больше, а потом и весь организм вразнос идёт, сначала отказывает печень, потом почки, образуются тромбы в лёгких. Поэтому маленьких детей в светлое время на улицу не выпускают, зато потом, когда биохимический имплантат приживётся, за уши оттуда не утянешь.

Правда, везёт не всем, у некоторых имплантаты не приживаются, и им приходится всю жизнь приноравливаться, чтобы не обгореть и не ослепнуть, приходится самим приводить себя в порядок, используя врождённые способности организма. Если они есть.

Молодой парень, белобрысый, с прямым носом и тёмными, почти чёрными глазами, соскочил с кровати и с недовольством посмотрел на пробивающиеся через жалюзи первые лучи восходящего солнца. С ещё большим недовольством – на пластинку телефона, валяющуюся на тумбочке. Зато россыпь чёрных волос на подушке заметно улучшила настроение.

– Успею или не успею? – бормотал он, натягивая джинсы.
– Как же её зовут, только бы вспомнить.

Одна штанина запуталась, он чуть не грохнулся на пол. В последний момент вывернулся, и упал-таки на кровать, чмокнул спящую в макушку.

– Завтрак, милая?

– Только кофе, – пробормотала девушка сонно, выглядывая из-под одеяла. На вид ей было лет двадцать пять – тридцать, пронзительно синие глаза в проникших в комнату лучах тускло блестели, она зевнула. – Сколько сейчас?

– Семь.

– Чёрт, чёрт, чёрт, я опаздываю, – можно было бы предположить, что девушка вскочит, и начнёт собираться, но нет, только одеяло откинула, обнажившись до пояса. На левой груди у неё был небольшой шрам. – Смена через полтора часа. Тащи кофе, малыш, иначе меня выгонят. И пошевеливайся, хватит на мои сиськи пялиться.

– Уверена? – парень провёл пальцем по её груди. – Может, поваляемся ещё немного?

– Бегом! Чёрный, без молока и сахара. И ещё, Поль...

– Что, дорогая?

– Когда вернёшься, обязательно вспомни, как меня зовут.

Справившись со злосчастной штаниной, парень, которого как только не называли – и Пабло, и Полом, и Павлом, и Паулу, и даже как сейчас – Полем, ринулся на крохотную кухню, засыпал зёрна в кофемашину, и мужественно нажал зелёную кнопку. Люди на Сегунде отчего-то цеплялись за национальную идентичность, в том числе за привычные имена, хотя с момента Разделения кровь перемешалась настолько, что найти чистокровного немца, русского или француза было практически невозможно.

– Ну, не подведи, – подмигнул он практически единственному работоспособному представителю кухонной техники в этом доме, – а то ведь придётся вспомнить.

Фокус с забытым именем состоял из нескольких элементов, как минимум – двух.

Пока кофемашина гудела, пытаясь сотворить из местного сорта кофе что-то удобоваримое, он успел почистить зубы, умыться и отослать несколько сообщений с телефона на виду у девушки. И когда вернулся в спальню с подносом, на котором лежали несколько печенек и стояла большая, исходящая паром чашка с логотипом сети супермаркетов, чувствовал себя очень уверенно.

– Твой кофе, Клэр, – он торжественно водрузил поднос на тумбочку.

Девушка уже сидела на кровати, в майке и крохотных трусиках.

– Дурак, твои приятели тебя развели. Я – Анабель. Для тебя – доктор Биркин.

– Точно, – Павел скорчил уморительную рожицу, у него это всегда отлично получалось. – Прости, Анабель. Обещаю, что обман им дорого будет стоить.

– Я пошутила, – Клэр схватила чашку, сделала большой глоток, сморщилась. – Ну и гадость. Ты точно журналист? Такой наивный, прям свежачок, так и хочется тебя снова завалить.

– Пока только стажёр. Значит, остаёмся?

– Нет, пора, пора, пора. Подбросишь? Больница Святой Марии в Верхнем городе.

Красный байк промчался по широким, окантованным пальмами, махагонами и сейба улицам Нижнего города, вырулил к шлагбауму, преграждающему ведущую наверх дорогу, пассажирка приложила к считывающему устройству ладонь, а парень продемонстрировал полицейскому, вышедшему специально для этого из будки, серебристый ободок на запястье.

– Цель визита какую записать? – патрульный ткнул в браслет сканером.

– Репортаж для «Фундо политико», – Павел приподнял бейдж, висящий на груди, глядя прямо в камеру. – Внештат-

ный репортёр Павел Веласкес. Пишу статью о нравах врачей-патологоанатомов в больнице Святой Марии. Буду внедряться в среду их клиентов.

– Дошутишься ты, Паулу, – патрульный неодобрительно покачал головой, но улыбка всё равно наползла на лицо. – Ладно, вали. Три часа.

– Спасибо, Энрике. С меня как обычно.

Официально столица Сегунды делилась на две части – Верхний и Нижний город, Сидаже Алта и Сидаже Фундо. У каждой части был свой мэр, своя полиция и свои местные законы.

Верхний город располагался на плоскогорье в южной части острова на высоте полутора тысяч метров от уровня океана. Тот участок, где раньше находился портал, был огорожен и строго охранялся, чтобы попасть к знаменитому месту, связывавшему когда-то жителей Сегунды с материнской планетой, потребовалось бы преодолеть несколько блокпостов, или взобраться по километровой отвесной скале.

За счёт перепадов высот ветры здесь были гораздо сильнее, чем внизу, и жилых высотных зданий в городе никогда не строили. Три, максимум четыре этажа с толстыми стенами из красного кирпича, отлично аккумулирующего дневное тепло для долгой прохладной ночи, и наоборот – температура на такой высоте была градусов на десять ниже равнинной.

Все промышленные предприятия давно уже перенесли

вниз или дальше на север, ещё сто лет назад оставались те, которые потребляли много энергии и мало других ресурсов, но и они переехали в Нижний город и в Сантаменто, а то и вовсе на равнины. Зато в Верхнем городе были лучшие больницы, самые современные лаборатории и самые дорогие отели, если не считать Парка на восточном побережье, в Ньюпорте, и тех, что строили в новых городах на севере и востоке.

Дорога, соединяющая две части столицы, шла серпантинном, поднимаясь вверх по вырубленной в скале дороге, навстречу почти никто не ехал, зато впереди тащились платформы, доставлявшие в Верхний город продукты и прочие предметы потребления – грузовые лифты и Северо-Западная дорога не справлялись с мощным потоком грузов. Две полосы позволяли обгонять неторопливый грузовой транспорт, байк разогнался, и в последний момент ушёл от столкновения с кабриолетом, спускавшимся вниз. Пассажирка ойкнула, разразилась ругательствами, а Павел только расхохотался.

Сразу после серпантина объездная дорога уходила влево, а прямо шло шоссе, выводившее прямо к центру Верхнего города. Когда первое поселение строилось, на архитектуру и планировку внимания обращали немного, узкие улочки, петлявшие рядом с частными домами, заставили широкий проспект сразу после здания городского Совета уйти направо, к новым районам. Телефон Павла тут не работал, и пас-

сажирка быстро вошла в роль штурмана, командуя, когда и куда повернуть.

– Ты чуть меня не убил, – Клэр прыгнула с сиденья, как только байк остановился рядом с основным корпусом больницы, семиэтажным зданием из стекла и бетона, довольно потянулась. – Но это было классно.

– В следующий раз буду поосторожнее, – парень остался сидеть.

Рабочий день начинался рано, пока солнце ещё только всходило, не слепя глаза. Стоянка неподалёку почти заполнилась, в основном такими же байками, как и у него, но были там и четырёхколёсные машины, из одной только что вышел вальяжный пожилой человек с круглым животиком, выпирающим из-под белоснежного пиджака, с тросточкой и сигарой в левой руке, остановился.

Рядом припарковался ещё один кабриолет, маленький и изящный, из него выскочила высокая молодая женщина в бежевой брючной двойке, с крохотной сумочкой в руках, подбежала к пожилому, и они что-то начали обсуждать.

И если на пожилого Павел взглянул так, мельком, то на его собеседницу – очень внимательно.

– Доктор Шварц уже здесь, убегаю, опять его эта выскочка Гомеш перехватила, не видать мне повышения, – Клэр чмокнула Павла в щеку. – Ты чего на неё так вылупился? Нравится?

– Да, – честно ответил парень.

– Закатай губу, любовничек, эта девочка не для тебя. Прощай.

– Когда увидимся? – крикнул парень ей в спину, но девушка только рукой махнула, словно отсекая это утро от рабочего дня, и скрылась за раздвижными створками. – Видимо, никогда. Отлично, спасибо тебе, милая Клэр, за незабываемую встречу и такое же прощание. Осталось позавтракать, и можно заняться делами.

В небольшом ресторанчике неподалёку от больницы было многолюдно, но все в основном толпились у стойки с кофейными автоматами, забирали высокие стаканы с крышечками, в картонных подставках, пакеты с выпечкой, и тут же уходили. Столики были свободны, Павел уселся в углу, сделал заказ, и уставился в телевизор, висевший прямо напротив него. Плоская панель обычно показывала спортивные передачи, но сегодня явно испортилась.

– И тут политика, – недовольно пробормотал парень, пытаясь переключить каналы, панель зависла и упрямо транслировала вчерашнюю пресс-конференцию.

«– Сеньор первый советник, каковы шансы, что выберут именно вас? – бойкая женщина средних лет даже руку не подняла. Вопросы от «Сегунда Таймс» шли вне очереди.

– Всё зависит от наших граждан, – советник Гомеш сверкнул запонкой, поправляя микрофон. – Только от них.

Наши избиратели сами должны решить, достоин я этого места или нет. Только делами можно добиться уважения и доверия, а не красивыми словами.

— Пятый канал Ньюс, Тереза Симонс, — подскочила с места ещё одна репортёрша. — Советник, правда ли это, что у вас есть сын-маг?

— Мисс Симонс, вы каждые два года перед выборами задаёте мне этот вопрос, — советник Гомеш улыбнулся. Мягко, словно несмышлёному ребёнку. — У меня был сын, который отторгал модификацию, и моя семья отказалась от него — для его же блага. Насколько я знаю, он умер в приюте восемь лет назад от естественных причин, увы, мы стараемся помочь этим беззащитным детям, несчастным жертвам планеты. Правительство выделяет средства и ресурсы, чтобы и они, когда вырастут, могли полноценно жить и работать, пока наш Господь не заберёт их к себе.

— Но вы против того, чтобы они жили в Верхнем городе? — не унималась репортёрша.

— Нет, мисс Симонс. Сейчас в Верхнем городе живут почти две тысячи магов, это достойные граждане, соблюдающие и признающие законы. Многих из них я знаю, и отношусь с глубоким уважением. Я против того, чтобы те, кто ещё не доказал полезность для общества, селились здесь, потому что должен учитывать интересы наших жителей, в частности, ваши интересы, мисс Симонс. Маги — такие же члены общества, как и мы все, а это значит, что не только

мы должны уважать их права, но и они – наши. Наше право на безопасную и стабильную жизнь. Право наших детей безбоязненно гулять по улице. У нас большая и прекрасная страна, магов, как вы знаете, всего двадцать тысяч из пятидесяти миллионов населения, и в основном это их собственное желание – жить обособленно, там, где они не смогут навредить и себе, и другим. В этом мы полностью солидарны с правительством.

– Тогда следующий вопрос, – журналистка из Таймс перебила коллегу, которая тоже хотела что-то спросить. Но сразу заткнулась. – Не собираетесь ли вы баллотироваться в Правительство Сегунды?

– Об этом рано говорить, – Гомеш сиял, как местное светило в полдень. – Сначала я хотел бы на посту мэра сделать для этого города всё, что в моих...»

– Как же это переключить? – Павел тыкал в сенсорную панель, но телевизор не слушался.

– Распоряжение городского Совета, – официантка поставила перед ним чашку чая, тарелку с омлетом и большой запечатанный пакет. – Крутят с утра до вечера, сами чуть с ума не сходим. Могу выключить, но мне за это влетит.

– А звук можно убрать? – Павел приложил карточку к считывателю, набрал сумму. Судя по довольному виду официантки, чаевых там было вполне достаточно.

Та не ответила, только подмигнула, и через пару секунд

первый советник Гомеш молча разевал рот на двухметровой панели. Никто не возмутился, тем, кто стоял в очереди за кофе, на политику и самого советника было наплевать.

– Привет, Павел, – за столик уселся высокий человек в красной майке и шортах, со скользким неприятным лицом и иссиня-черными волосами, затянутыми в хвост, швырнул на столешницу упаковку фруктовых снеков из автомата, помахал кому-то у стойки. Один из аппаратов сломался, и движение очереди резко замедлилось. – Увидел твой байк перед входом, а тут и ты.

– Привет, Руфио, – Павел с сожалением посмотрел на омет, потом на собеседника. – А, чего уж там, забирай.

– Спасибо, камрад, – Руфио схватил вилку и принялся забрасывать в рот большие куски, тут же их проглатывая. – Ты меня спас. Что, очередная цыпочка в Верхнем? Откуда она?

– Больница святой Марии.

– Врач или медсестра? Порции тут слишком маленькие, – черноволосый отодвинул от себя пустую тарелку. – Снова поматросил и бросил?

– Она меня.

– Завидую вам, магам, это нам, простым людям, из кожи приходится лезть, чтобы на нас обратили внимание красотки, а тут показал браслет – и она уже в койке.

– Сам от этого страдаю. На самом деле ищу стабильный вариант, любовь на всю жизнь.

– Я пробовал несколько раз, – Руфио потянулся к запеча-

танному пакету, но Павел пододвинул его себе. – Так себе идея. Какие планы на завтрашний вечер?

– Пока никаких.

– На днях в Хайяте большая игра, говорят, приедут какие-то толстосумы с побережья, – собеседник тут же стал серьёзным и собранным. – Деталей я не знаю, Карпов предлагает тебе поучаствовать. То есть он так сказал, но ты же знаешь, это значит – тебе придётся.

– На тех же условиях?

– Деталей я не знаю, но куш большой, всем хватит.

Павел положил на стол руку с браслетом.

– Всё нормально, у них своя служба контроля, которой они доверяют, так что проблем не будет, – успокоил его Руфио. – Никакого кидняка, приходишь, тебя проверяют, если сомневаются, получаешь пять штук за беспокойство и идёшь домой. Если всё в порядке, играешь, и, если что не так, на тебя никто ничего не повесит. Подъезжай сегодня ближе к темноте в клуб у церкви, сам с Карповым перетрёшь.

– А ты?

– Ты же знаешь, моё дело маленькое, там послушать, тут сообщить, найти, кого надо. О, моя очередь подошла, всё, бывай, увидимся.

Энрике на нижнем посту получил свою порцию пончиков, покачал пакет в руке.

– Ты меня раскормишь, Паулу, если будешь тут появлять-

ся слишком часто.

– Какие-то проблемы?

– Говорят, что советник Гомеш станет мэром, – постовой чуть повернулся, глядя, не подслушивает ли кто. Камера была повёрнута в сторону дороги.

– Я смотрел его выступление, вопрос, наверное, уже решённый.

– Его сынок, Эйтор, уже примеряет значок капитана. Хайме Перейра только и ждёт, чтобы освободить место и переехать на своё ранчо поближе к океану, девяносто пять лет – солидный возраст.

Павел покивал головой. Полицией двух районов столичного округа, Верхнего и Нижнего городов, руководили капитаны, которые напрямую подчинялись советнику главы правительственного департамента безопасности – при населении почти в сто пятьдесят тысяч человек в Верхнем городе и двести тысяч – в Нижнем, власти у них было предостаточно. Несколько участков на побережье тоже подчинялись капитану Верхнего города, и один – капитану Нижнего. Между собой эти двое, кто бы они ни были, никогда не ладили, такова традиция. Но как бы капитаны не соперничали, какие-то вещи им приходилось координировать. Например, перемещение людей из одной части столицы в другую.

– Думаешь, установит квоту?

– Наш будущий капитан магов ненавидит, думаю, от того, что отец от его брата отказался. Каждые два года эти репор-

тёры его попрекают. Так что всё может случиться.

– Не отказался бы – вылетел из совета как пробка из бутылки. Такая у нас судьба, – Павел потряс браслетом.

– Я уж вижу, нелегко приходится. Наверх – с цыпочкой, вниз – один, – Энрике рассмеялся, провёл сканером над браслетом. – Время выезда зафиксировано.

Репортёр помахал ему рукой, и помчался в редакцию.

В нескольких километрах от здания мэрии, в старом районе Нижнего города, к дому, стоящему в глубине от улицы на собственном небольшом участке, подъехал небольшой крытый грузовичок. Дорогу к дому преграждали ворота, водитель вылез, разминая ноги, дождался, пока хозяин лично откроет калитку, и зашёл вслед за ним. Через десять минут водитель вышел, через открывшиеся ворота доехал до просторного гаража, заваленного всяким хламом. Механизм разгрузки начал выплёвывать одну коробку за другой. Судя по тому, как легко хозяин хватал их и расставлял вдоль стены, они почти ничего не весили. На двадцать третьей коробке механизм угомонился, водитель выехал на улицу, а хозяин, довольно потирая руки, закрыл гараж и направился в дом.

Глава 03.

Белое солнце заливало Нижний город своими беспощадными лучами. Небольшой дождь ночью хорошо напитал землю, и теперь она ощутимо прогрелась, насекомые и мелкие гады вылезли на поверхность, крохотные и не очень птички сновали туда-сюда, собирая еду. Широкие улицы опустели, температура поднялась до тридцати семи по Цельсию, и снижаться ещё как минимум часов шесть-семь не собиралась.

Редакция «Фундо Политико» ютилась на третьем, последнем этаже небольшого здания на окраине Нижнего города. Бывший цех по переработке биотоплива давно отмыли, отреставрировали и даже покрасили, но его рабочее прошлое сквозило из каждого угла. Респектабельностью тут и не пахло, как и деньгами. Тем не менее, медиа-центр существовал, постепенно теряя штат, уже почти полторы сотни лет, семейное предприятие Капланов, для которых оно было скорее владением, от которого лень избавиться, чем средством заработка. С точки зрения их финансового советника в этом бизнесе были одни минусы – одиннадцать сотрудников, включая секретаря, помощника редактора, четырёх штатных репортёров, двух операторов и двух стажёров, только зря проедали часть доходов, которые семье Каплан приносили завод по производству биопластика, склады в Тахо,

букмекерские конторы и несколько десятков торговых предприятий.

Павел с ним был категорически не согласен, у редакции, по его мнению, были два внушительных плюса. Первое, путь от его квартиры до продавленного стула в общем коворкинге занимал максимум десять минут. И второе, за те деньги, что он здесь получал, никто от него трудовых подвигов не требовал. Для серьёзных заданий существовали приближённые к главному редактору маститые журналисты, им доставались самые лакомые и жирные куски. Те, кто дальше и проще, довольствовались обедами, а стажёрам, да ещё внештатным, вроде Павла, оставался только запах сплетен и расследований. Три сотни в неделю за два видеорепорта лицензированной камерой и несколько коротких текстовых обзоров. Однажды Павел просто переписал пару страниц из какой-то забытой книги, добавил репродукции художника Диего Веласкеса – это показалось ему забавным, и статью вывесили на главном ресурсе в разделе «Новости». Но Фрида Каплан, милая старушка с честными выцветшими глазами, редактор и по совместительству владелец издания, попросила его больше так не делать.

– Редакция это переживёт, – так и сказала она тогда, печально глядя на Павла полуторалетней давности из-под роговой оправы, очень дорогой и бесполезной, зрение у Фриды было отличное. – Но больше так не делайте, мистер Веласкес, вы мне рвёте и так уже больное сердце. Поверьте старой

больной женщине, которая много повидала на этом свете и скоро отправится на другой, у вас прекрасное будущее, не тратьте его на копирование чужих глупостей.

Павел по молодости только отмахнулся, но потом совет оценил.

Новый редактор, которого Капланы десять дней назад, после смерти Фриды, решили нанять со стороны, Миранда Фокс, женщина средних лет с подтянутой фигурой, массивным лицом и подходящими к фамилии густой рыжей шевелюрой и веснушками, наблюдала из окна, как молодой человек неуклюже слезает с красного байка, припарковав его рядом с её новым белым кабриолетом. Байк покачнулся, едва не упал на машину, в последнюю секунду парень подставил ногу, опершись на кабриолет. А потом, утвердив байк на подставке, закурил, облокотившись на машину, поставив ногу на широкое массивное колесо и держа сигарету в опасной близости от кожаного салона. Миранда выругалась, нажала на кнопку на гарнитуре.

– Тимми, пришли мне Рэчел, – распорядилась она, и через несколько минут в кабинет в кабинет влетела жизнерадостная толстушка с приплюснутым носиком.

– Спрашивали меня, мисс Фокс?

– Конечно, с чего бы ещё ты сюда зашла. Кто это? – редактор кивнула в сторону окна.

Рэчел не спеша подошла к подоконнику, оперлась на него

ладонями, выпрямив руки и прогнув спину. Короткое платье обтягивало пухлые ляжки. Миранда нервно сглотнула, щеки её покраснелись, ей всегда нравились вот такие, в теле, юные и активные.

– Это Веласкес, стажёр. Мисс Каплан его принимала на работу лично, – доложила Рэчел, словно не замечая, какое впечатление производит. Говоря, она чуть обернулась, и её роскошный зад вильнул, вызвав очередной всплеск румянца у Миранды. – Работает удалённо, очень аккуратный молодой человек, почти ни разу не опоздал с материалом.

– Что, совсем никаких проступков? – хрипло спросила Фокс.

– Ну что-то обязательно было, – Рэчел отвернулась от окна, перехватила подоконник, и теперь стояла прямо перед начальницей, прогнувшись назад и выпятив маленькую грудь. – При прежнем руководстве записи велись небрежно, помнится, был какой-то инцидент с украденной статьёй. Но у стажёров зарплата низкая, и на такие вещи никто внимания не обращал.

– Но все репортажи у него из столицы, никуда больше не выезжает? – уточнила редактор.

Молодой человек наконец докурил, бросил окурок в урну и не спеша направился в сторону входа. Его байк опасно кренился в сторону кабриолета, грозя завалиться в любую секунду. Но пока держался.

– Да, у прежнего начальства было правило – не посылать

стажёров на отдалённые участки. К тому же Веласкес – маг, мисс Фрида считала, что это хоть как-то выделяет редакцию из остальных.

– Мисс Каплан была умной женщиной, – когда Миранда только заселилась в кабинет, она при помощи своих связей в полиции обследовала каждый квадратный сантиметр, но спецы ничего не нашли. И всё равно ей казалось, что эти Капланы за ней наблюдают, вот как портрет Фриды на стене в тяжёлой резной раме, так и ест её глазами. – Но иногда надо что-то менять. Иначе как будущие репортёры почувствуют профессию, пусть даже они маги или кто там ещё.

– Как скажете, мисс Фокс, – Рэчел похлопала длинными нарощенными ресницами, и облизнула пухлые губы. – Знаете первый порт на Восточном побережье, там ещё городок маленький рядом? Конечно знаете, что это я. Марковиц должен был поехать через несколько дней, сделать репортаж, но его жена заболела, и он пока не может оставить её одну.

– Что не так с этим портом?

– Мне кажется, – Рэчел доверительно наклонилась к Миранде, обдавая её своим горячим дыханием, понизила голос почти до шёпота, – ничего стоящего, там и порта-то настоящего нет, он закрылся давно, но вроде как основан ровно триста лет назад. Другие газеты об этом уже написали коротенькие заметки, а Марковиц нацелился на большой материал.

– Что-то раскопал?

– Нет, удрать хотел из дома на пару недель за счёт редакции, – толстушка была в курсе дел каждого сотрудника. – И тут жена в больницу попала, считай, и уезжать-то никуда не нужно.

– А Веласкес у кого стажирруется?

– Раньше – у Коллинза, а с тех пор, как тот ушёл в Ньюс, сам по себе. Но с Коллинзом они до сих пор вроде как дружат, говорят, он даже статейки для них пишет иногда, Ньюсы платят гораздо больше.

– Не дело это, когда кто-то сам по себе, да ещё на сторону ходит, – Миранда провела пальцем по шее Рэчел. – Надо исправить.

Экран над общим столом со старым кофейным автоматом и большой пустой тарелкой, на которой иногда появлялись печеньки, транслировал карту острова, редкие зелёные отметки показывали, кто из немногочисленных сотрудников и где вторгается в личную жизнь граждан Сегунды. Красные, которых было намного больше, означали конкурентов. Большая часть красных отметок и почти все зелёные сосредоточились в столице, в Верхнем и Нижнем городе, те поселения, что существовали на плоскогорье, мало кого интересовали, концентрация красных точек повышалась к побережью. Один зелёный огонёк тоскливо мерцал на северном побережье, в фермерском посёлке Колд-бич. Как туда занесло корреспондента Политико, Павел не знал, на его памяти та-

кое случалось нечасто.

Внезапно появился ещё один зелёный значок, запульсировал, расширяясь, и на коммуникатор пришло сообщение.

Павел прочитал, выругался сначала на русском, потом на португальском, и в конце, на всякий случай, на иврите – чтобы владельцы редакции поняли, насколько он недоволен. Смолски, старейший репортёр в редакции, приходивший с рассветом и уходявший с закатом каждый день, даже в выходные, обернулся и покачал головой.

– И до тебя добрались?

– Ага, первое настоящее дело. Вот вспомни, Анджей, какой был твой первый серьёзный репортаж?

– Об убийстве в борделе, – Смолски блаженно прикрыл глаза, сложил руки на объёмном животике и почмокал губами. – Труп на полу, кровь по стенам, голые шлюхи вокруг, и каждая так и льнёт, а стоящего материала было, хоть залейся. Мы шесть дней там снимали, и ни разу не вышли наружу.

– Не может быть! – восхитился Павел. Эту историю он слышал раз пятьдесят, не меньше.

– Да, раньше журналист был не тот, что сейчас, нас уважали. Пускали туда, где полиция пролезть не могла. Столько лет прошло, а помню, будто вчера, – Анджей полез в карман за сигарой. – Принеси-ка дедуле бимбера из буфета, или я тебе всё в деталях расскажу.

Буфет, где столовались помимо редакторских ещё работ-

ники десятка других мелких компаний – большая часть из них, так уж совпало, принадлежали Капланам, находился на первом этаже. То, что Смолски называл бимбером, на самом деле гнали из бананов, которые отлично прижились на острове. Стоила маленькая бутылочка пять реалов, но пан Анджей считал такой объём баловством, всё, что было меньше половины литра, всерьёз им не рассматривалось.

По пути Павел заглянул в соседнее крыло, где восседало начальство – секретарь, маленький смуглый индус Тимми, рыжая толстушка Рэчел и новый редактор «Фундо Политико» за вечно закрытой дверью. Вдохнул, помянув добрым словом Фриду, и уселся на стол, подвинув тонкую стопку бумажных листов.

– Это не я, – Тимми шутливо приложил руки к груди.
– Пощади меня, великий маг и волшебник, не превращай скромного слугу в лягушку. Я тебе ещё пригожусь.

– Она? – Павел кивнул на пустой стол Рэчел.

– Сам виноват, – Тимми достал из ящика апельсин, потёр об майку, не очищая откусил кусок, брызнув соком, с чавканьем начал жевать. – Зачем спектакль внизу устроил? Женщина волнуется, её можно понять, машина новая. Хочешь перейти в Ньюс?

– Пока нет, но думаю. Сам знаешь, там и платят больше, и у них длинноногая секретарша сидит с доверчивыми глазами, очень большими, а не доходяга вроде тебя.

– И появляться к обеду раз в неделю тебе никто не позво-

лит, – индус хитро улыбнулся.

– Тут, похоже, тоже вольная жизнь закончилась, – Павел посмотрел на дверь. – Спорить бесполезно?

– Другой бы на твоём месте радовался, – Тимми дождал апельсин, вытер руки об оранжевую футболку, оставив на ней тёмные полосы, и открыл карту на большом, во всю стену, экране. – Смотри, какой обычному стажёру достался райский уголок. Кейптанун, округ Фишбург, Основной протекторат, отличное место на берегу океана. Белый песочек, пальмы, купающиеся девушки без одежды и никакого начальства в радиусе двухсот километров. Небольшой современный городок, с отелями и барами в двух километрах от берега, а к старому порту примыкает посёлок. Жильё там дешёвое, а если хочешь совсем бесплатно, поставишь палатку на берегу, закинешь в реку удочку и выловишь еду. А то и в море, там отмели, зайдёшь подальше, так, чтобы волны били о живот, и дождёшься своего паку. Если он найдёт, что у тебя откусить.

– Завидуешь?

– Чёрной завистью, – заверил Павла индус. – Все данные у Марковица, он отпросился, якобы сидит у постели жены, а на самом деле дома блаженствует. Свяжись с ним, он всё перешлёт. Сроку тебе на всё десять дней, дел там дня на три максимум, когда захочешь, тогда и поедешь.

– Что-то уж слишком всё хорошо, – задумчиво протянул стажёр. – Аж выпить хочется. Не хочешь сбегать вниз?

– Анджей опять тебя погнал за банановой водкой? Ну уж нет, это твой хитрый поляк, тебе и идти.

– Вообще-то я заказал четыре бутылочки, одну можешь взять себе, а остальные отдашь старику. Я убегаю, а то ещё подкинут что-нибудь. И попробую заехать к Марковицу, может, договорюсь, чтобы он передумал. Похлопочу, чтобы же-ну его из больницы побыстрее отпустили, ну знаешь, ему радость, а мне не тащиться в такую даль. Ладно, пока.

Тимми только рукой махнул, глядя, как стажер исчезает в холле. Банановую водку он на дух не переносил, так что пану Анджею могла обломиться повышенная доза. Если только... Он связался с баром и попросил заменить одну бутылочку в шесть унций на две пинты холодного пива. Пометил в ежедневнике, что задание передал, поставил срок выполнения, закрыл планировщик и включил сетевую игру. Рэчел пробудет в кабинете у начальства ещё минут пятнадцать, вернувшись, будет красить ногти и болтать по телефону, а заодно контролировать редакционный процесс. У неё это отлично получается – особенно когда работы практически нет.

Мисс Фокс через час уедет играть в сквош, потом отправится к любовнику из городского совета, и вернётся только к вечеру, как раз когда тот оператор, что остался в столице, вместе со стажёром привезут репортаж про полицейское управление. Фрида Каплан, пока была жива, держала редакцию в крепких морщинистых ручках, а эта, новая, для неё

Фундо Политико очередная ступенька в карьере. Наследник семьи твёрдо нацелен на реструктуризацию оставшихся активов, и убыточная редакция в новый бизнес-проект ну никак не вписывалась. Просто так на улицу работников не выкинуть, мисс Фокс предстояло или хотя бы уменьшить убытки, и очень серьёзно, и подготовить бизнес к продаже, или не торопясь, за год-два прикрыть эту лавочку. Тимми не знал, что точно обещали за это новой редакторше, возможно, место в Таймс, он лишь должен был присмотреть, чтобы эта карьеристка не наделала глупостей.

Анджей Смолски выпьет сначала одну бутылочку, через час – вторую, а третью оставит на закатное время, дома ему всё равно делать нечего, дети живут на побережье и в столице даже наездами не появляются, вторая жена ушла к другому. Банка пива сверху порадует старика, или, по крайней мере, не даст утонуть в трясине тоски. Здоровье у него плохое, даже после второй пересадки печени, того и гляди, на пенсию выйдет, или того лучше, помрёт.

Стажёр получил задание и теперь пропадёт недели на две. Его бы давно уволили, но мисс Каплан была категорически против, а Иона, её племянник, который сейчас курирует редакцию, очень любил свою тёткушку. Правда, ещё больше он любит деньги и ненавидит, когда они расходуются впустую, и дал на этот счёт однозначные инструкции. Значит, надо сделать так, чтобы этот Веласкес ушёл сам, без обид и скандалов. Коллинз уже подтвердил, что готов переманить парня

в Ньюс, нечего такому самородку делать в занюханной редакции, последний репортаж, и можно будет с магом попрощаться.

Тадеско с оператором вернутся из поездки на побережье через пять дней. Пустая трата денег и времени, и для Маруса это станет очередным, если не последним ударом. Останется только подтолкнуть немножко, у Тадеско карточные долги. И то, что он спит с женой оператора, тоже в нужный момент вскрыется.

Индус раскрыл коммуникатор, написал несколько сообщений. Получил одобрение от босса. Оставалось только ждать.

Павел действительно решил пропасть недели на две. Первое серьёзное задание от редакции волновало его куда меньше, чем предстоящая игра, раз уж Карпов послал Руфио его разыскать, значит, намечается что-то серьёзное. Китайцы проигрывать не любили, а то, что приедут китайцы, он практически не сомневался. Будь это осторожные белые или темпераментные латиносы, Карпов нашёл бы, кого посадить с ними за один стол. Например, Минкуса или Стоцкого. Или Лидию, когда ситуация непростая и очень денежная, всегда зовут Лидию, экс-чемпион Параизу по бриджу не играет абы с кем. Но китайцам этого наверняка будет мало, им подавай риск, а что может быть рискованнее, чем маг, пусть даже с блокиратором на руке.

С этими мыслями парень вывел мотоцикл со стоянки, очень аккуратно, не поцарапав кабрио нового босса, хотя и собирался это сделать. Но теперь – нет смысла, так и так уволят, зачем портить красивую вещь. Выехал на проспект Гильермо Альвареса, засаженный посередине пальмами. По иронии судьбы именно генерал Альварес истребил множество магов, здесь, по проспекту, тогда ещё бывшему обычной неширокой дорогой, они и шли. Тысячи обезумевших людей, потерявших контроль над своими способностями и чувством самосохранения. Их косили пулемётами, расстреливали из пушек и с беспилотников, снаряды и пули вязли в щитах, а здания вспыхивали, как спички. Так, по крайней мере, писали в учебниках истории, и показывали на видео. Но тогда ещё не было лицензированных камер, не позволявших корректировать запись, и достоверность таких свидетельств была чуть больше, чем нулевая.

На самом деле всё было гораздо хуже, не прояви Альварес решительность, от местной популяции людей не осталось бы и сотой части, и то – в виде рабов, маги были настроены очень серьёзно. Началось всё с одного человека, Мариуса Грина, который в знак протеста снял со своей руки браслет и нацепил имитацию собственной разработки. Его примеру последовали другие, Службы контроля в её современном виде тогда ещё не существовало, а полиция работала спустя рукава, так что спохватились только через полтора года, когда бесноватые сверхлюди решили, что власть должна принад-

лежать им. Как ни странно, Павел им совершенно не сочувствовал, наоборот, считал, что генерал поступил недостаточно жёстко. И проезжая статую, отсалютовал ей поднятой рукой. С браслетом на запястье.

Браслет на руке Павла чуть нагрелся, когда он пересёк границу города и по Каменному шоссе направился на восток, в сторону Майска. Двухметровая статуя генерала из искрящегося гранита, со сканером, встроенным в голову, равнодушно смотрела ему вслед, движение было оживлённое, но чем дальше он выбирался от Нижнего города, тем меньше байков и машин становилось. Стоящие кучно городские постройки и цеха сменились лесным пейзажем, мимо изредка пролетали покрытые растениями поля, чем выше и массивнее эти растения были, тем лучше, биомасса здесь заменяла нефть и уголь, которые не успели сформироваться, из неё делали полимеры и горючее – ещё оставались механизмы, которые работали не на электричестве. Поэтому всё, что занимало много места, но в высоту не удалось, растили на многоярусных плантациях, а вот такие пространства отдавали кукурузе и маниоку. И конопле, которая отлично заменяла хлопок. Среди зарослей дававшей три урожая в год культуры виднелись домики и даже небольшие поселения, основную часть работы выполняли механизмы, но их тоже надо было обслуживать, заряжать и ремонтировать.

На панели байка загорелся диод, заряда батареи должно

было хватить ещё километров на двести, до нужного Павлу места оставалось совсем немного. Там цены пониже, на дороге всегда дерут в три шкуры, а чуть съедешь в сторону, и можно и зарядиться, и поесть недорого.

Но сначала он свернул с дороги к зарослям гевей, вымажавших до пятидесяти метров и обвитых внизу лианами, они росли полумесяцем, образуя полянку, скрытую от проезжающих по шоссе. Почва здесь была влажная, пружинящая под ногами, небольшая рыжая змея при виде Павла скользнула в чашу.

С байка маг слезать не стал, поставил его на упоры, подтянул ноги, чтобы до земли было не менее полуметра, вдохнул глубоко, и медленно снял браслет.

— Один, два... сорок пять, сорок шесть... девяносто девять, сто.

Дальше рисковать не стал, натянул браслет обратно, вытер выступившую испарину. Это чувство, когда блокиратор снят, было сродни глотку чистого воздуха после удушья. Казалось, ещё чуть-чуть, и он сможет взлететь — в принципе, левитация не такое уж сложное действие, надо только представить, что давящая на тебя сила исчезает, гравитационные волны затихают, вокруг тела формируется защитная оболочка, и тогда останется только следить за тем, чтобы не улететь слишком высоко, в космос.

Вовремя вернуть браслет на место — в этом и была главная сложность. Рядом не было никого, кто бы в случае потери

контроля нацепил блокиратор на руку, поэтому Павел считал только до ста. Прикрыть глаза, вдохнуть глубоко, и снова обратно, к нормальному человеческому прозябанию.

В двух сотнях метров на высоком дереве, развалившись на раскидистой ветке, лежал ягуар – большая, почти двухметровая кошка. За те миллионы лет, что с той Земли сюда проникали растения и животные, они приспособились к особенностям планеты. Не радикально изменились, природа слишком для этого консервативна, но кое-какие мутации произошли.

Короткий густой мех у ягуара был тускло-чёрным, со стальным отливом, он отлично защищал от жары и холода, отражал неласковое излучение местного солнца. Серые, даже скорее – тёмно-коричневые пятна, помогали сливаться с корой, но прятаться кошка не считала нужным.

С высоты дерева ягуар следил за своей территорией. Несколько змей грелись на солнце, толстые, длинные, но для него не опасные. Оцелот охотился за птицами, слившись с выгоревшей травой. В отдалении бежало несколько хрюкающих свинок, одна отбилась от товарок, забрела прямо к змеям, и успела только пару раз пискнуть до того, как питон сжал её в кольцо матово-пятнистой кожи. Далеко отсюда люди сбились в кучку и что-то говорили на своём непонятном языке, держа в руках своё оружие, а потом двинулись в сторону небольшого стада двурогих. Беспокойные и бесполез-

ные существа, везде сующие свой нос, их желания были у ягуара как на ладони. Собственно, они ничем не отличались от тех, что были у других животных на его территории – добыча еды, поиск другой особи для спаривания, убийство.

Один из таких вот настырных и назойливых, в рощице неподалёку, остановился, но не слез на землю, а уселся на своей повозке, поджав ноги. Ягуар потянулся, зевнул. И уже хотел спрыгнуть, и подойти поближе, но тут что-то почувствовал.

Человек словно стал больше, расплываясь в разные стороны, кошка почувствовал слабое беспокойство, не из личного опыта, а откуда-то из глубин генетической памяти, оставшейся от многих поколений других ягуаров, живших здесь. Он слегка напрягся и не отрываясь смотрел в сторону незваного гостя.

Над ним то там, то здесь возникали прозрачные всполохи, от них к человеку тянулись тонкие нити, опутывая голову и шею невидимой бронёй, скрывавшей сознание, чувство опасности потихоньку сверлило кошачий мозг, шерсть ягуара взъерошилась, мышцы напряглись, мощные задние лапы подобрались, а из подушечек выскочили длинные желтоватые когти. Минуту назад расслабленный, он готов был сражаться или удрать. Не уйти не спеша, с достоинством, а именно сбежать так быстро, как это возможно. И ягуар уже почти выбрал, что сделать, точнее говоря, его инстинкты выбрали за него, но тут наваждение исчезло.

Человек снова стал обычным двуногим, слабым и медленным, его разум приоткрылся – сейчас он больше не представлял опасности для хозяина территории. Ягуар проследил, как он двинулся обратно, к дороге, отрезавшей одну часть его охотничьих угодий от другой, и снова успокоился. Потянулся, из подушечек вытянувшейся вперёд, напрягшейся чёрной лапы снова выскочили когти, потом медленно втянулись назад, он прикрыл глаза, предоставив местному солнцу согревать мощные мышцы. «Как я хорош», – засыпая, подумал он на своём кошачьем языке. До темноты, когда он спустится и отправится за едой, было ещё очень много времени.

Глава 04.

321 год от Разделения,

35 километров от протектората Ньюпорт, остров Мечты, приют Хейвен

Большинство мелких островов, располагавшихся вблизи Параизу, были непригодны для заселения – небольшие одиночные скалы, обрывом уходящие в океан. С основной территории ветром на них забрасывало семена, пологие участки покрывала густая зелень. Но были и довольно крупные, с кипящей на них жизнью и густой растительностью.

Остров Мечты находился в тридцати километрах от западного берега Параизу. Тропические леса, высокая скала в южной части, со снежной шапкой и многочисленными горными речками, красивейшие водопады и тихие озёра, белоснежные пляжи и голубые заводы, всё это делало остров похожим на райский уголок. Будь он побольше и поближе, никому в голову бы не пришло строить здесь приют для детей-изгоев, но в длину остров был всего семь километров.

Животный мир ограничивался в основном птицами и насекомыми, леса на Мечте занимали половину территории. Больше всего было деревьев какао, нетрудно догадаться, какой напиток был у воспитанников самым нелюбимым.

– Пол, ты куда собрался? – мисс Ломак выцепила из толпы детей светловолосого крепыща с русой шевелюрой и тёмными до черноты глазами.

– Погулять, мисс, – мальчик протянул ей левую руку, воспитательница тщательно проверила браслет, провела над ним сканером.

За воспитанниками тщательно следили, но почти ни в чём не ограничивали, правительство дало им кров и пищу, ну и необходимые удобства по минимуму, из тех, кто рождался с необычными способностями, доживала до шестнадцати едва ли треть, и сами дети это прекрасно знали. Как и то, что не существует лекарства, способного их вылечить. Только снять браслет – такие случаи были, и тогда уже охрана спасала остальных от мага, чей нестандартный организм пошёл вразнос. Шесть сотен мальчиков и девочек, готовых к смерти в любой момент – от самовозгорания, или разжижения плоти, или просто задержки дыхания навсегда.

Поэтому к обычным шалостям воспитатели относились снисходительно.

Пол кивнул головой, и помчался прочь через калитку, к холмам. Минут через сорок, набегавшись – внутренняя энергия требовала выхода, он спустился к пляжу. Поваленное дерево оккупировала стая птиц, при виде человека они только подвинулись, освобождая место, привычный зверь не воспринимался как угроза.

Мальчик удобно уселся, свесив ноги почти до земли, до-

стал из кармана длинный титановый стержень, и подцепил браслет. Лицо его покраснело, дыхание стало тяжёлым, а глаза покрылись сеточкой полопавшихся сосудов.

– Не так, – вдруг раздался голос из-за спины, Пол аж подпрыгнул от неожиданности, обернулся. Этого человека он отлично помнил.

– Ты делаешь неправильно, – Элайя Кавендиш, слегка постаревший с их единственной встречи, уселся рядом, широко расставив колени. – Давай руку сюда. Видишь синюю жилку на запястье, это вена, по ней течёт кровь. Сейчас поле планеты старается перетянуть тебя на свою сторону, а браслет не даёт.

– И что делать?

– Представь, что на тебе надет ещё один такой же. Хорошенько вбей себе это в голову, вы, маги, можете, я знаю. Представил?

Мальчик кивнул.

– Подними ноги повыше, подальше от земли их держи. Вот так. Глубоко вдохни, потом тяни, только не торопясь, минимум секунду, чтобы переход был не резким. Как только снимешь, считай до пяти.

– Раз... два... три... четыре... пять.

Кавендиш ловко нацепил браслет ему обратно на руку, погладил его по голове.

– Что почувствовал?

– Голова кружится, и тошнит.

– Это нормально. Тебе, должно быть, девять лет, потерпел бы до двенадцати, тренировался вместе со всеми.

– Нам об этом не рассказывают.

– Чтобы вы раньше времени себя не уничтожили. Браслет – не кандалы, а защита, запомни. Они спасают вас, а не приковывают.

Мальчик вздохнул. Последний случай самовозгорания был несколько дней назад, девочка восьми лет играла в салочки с другими ребятами, только чудом никто не получил ожоги.

– Раз ты смог снять, а потом надеть, значит, выживешь, Паулу, – успокоил его Кавендиш. – Делай это не чаще, чем раз в неделю, так, чтобы никто не видел. Каждые пять недель можешь прибавлять по единице, но как дойдёшь до тридцати, остановись. Запомнил?

– Да.

– Хорошо. Я буду тебя навещать и помогать. И запомни, никому не говори, а то мне влетит, хорошо?

август 334 года от Разделения

Папайя вейли, Параизу.

За магами в Папайя Вейли никто особо не следил – своих здесь не было, а остальным делать в таком захолустье было нечего. В посёлке жили семь сотен человек, в основном из тех, кто работал на фабрике по производству квант-индук-

ционных панелей и на заводе по переработке коки. Ещё в посёлке был бар, ночной клуб и даже бордель – почти всё это в одной постройке с названием «Мотель Мираж». Городок Лацио с пятью тысячами населения, дальше по дороге, служил источником постоянных клиентов для индустрии развлечений, с гостиницей дело обстояло похуже, десять домиков, каждый – на два номера, редко принимали у себя гостей.

Павел заехал на стоянку, там уже стояли два больших трака с логотипом местной транспортной компании, несколько пикапов, пять-шесть потрёпанных байков и мотоцикл местной полиции с гербом острова и стробоскопами. Бар распахнул свои двери для тех, кто не мог дождаться темноты и готов был платить за урезанный список развлечений. Например, за пиво – здесь его варили на месте.

Жаркий день и холодное пиво отлично сочетались. Картридж, снятый с байка, показывал сто двадцать километров остаточного заряда, совсем крохи, благо рядом с въездом для таких вот забывчивых путешественников был магазинчик, где торговали энергией.

Новый картридж стоил гораздо дороже заправки, которая занимала сорок минут, угрюмый продавец в майке-алкоголичке забрал батарею, проворчал, что такое старьё может взорваться в любой момент и разнести магазин на запчасти, при виде браслета понизил голос, но за это набавил десять реалов.

– Триста двадцать, – объявил он.

Павел кивнул, батарея действительно была уже старая, и больше шести тысяч единиц не вмещала. Сменную он уже поставил, и теперь эта будет запасной. Старое правило, которое старались не нарушать, это сейчас по Параизу передвигались относительно безопасно, а ещё сотню лет назад разряженная батарея могла стоять жизни.

– Сэр, – окликнул его полицейский, стоило Павлу выйти из магазина. Поджарый и рыжий, он дожёвывал шоколадный батончик, стоя возле байка. Новенький, его парень раньше не видел. – Офицер Иен Фергюссон, участок Папайя Вейли. Подойдите, пожалуйста.

– Доброго дня, офицер, – Павел продемонстрировал браслет, откинул крышку батарейного отсека, открывая доступ к идентификационному чипу, приподнял сидение – там на креплениях висел карабин. Отстегнул клапан кобуры, показывая пистолет – тридцатизарядный Глок с облегчённым корпусом из углеродного волокна, с лазерным прицелом.

Полицейский просканировал чип на байке и на оружии, тщательно сверил данные со своим планшетом.

– К кому-то приехали, сэр?

– Ни к кому особенно. Поставил батарею на зарядку, сейчас пообедаю, может быть, отдохну немного, и поеду дальше. Что-то случилось?

– Нет, – Фергюссон сверился с планшетом, – здесь отмечено, что вы уже у нас бывали, и не раз. В посёлок нечасто заглядывают маги, мистер Веласкес. Я здесь всего две неде-

ли, пытаюсь войти в курс дела.

Павел наклонился к полицейскому поближе, понизил голос.

– Я старый знакомый мисс Фернандес, ну вы понимаете.

– Не моё дело, сэр, – спокойно ответил полицейский. – В вашем деле сказано, что вы останавливаетесь ненадолго, порядок не нарушаете и ведёте себя спокойно. Буду благодарен, если вы и дальше будете этого придерживаться.

– Обещаю, офицер Фергюссон.

– Спасибо, мистер Веласкес. Больше вас не задерживаю, – полицейский отвернулся, и пошёл дальше по ряду машин, помечая что-то в планшете.

Павел покачал головой, вот ведь не лень человеку по такой жаре гулять, и направился к основному зданию. Основательное кирпичное строение разделялось на два трёхэтажных крыла, соединённых стеклянным переходом. В левом – развлекательные заведения, куда народ из этого и окрестных посёлков собирался к темноте, занимали первые два этажа, а наверху были комнаты, где те, кто жаждал большой и дешёвой любви, могли уединиться. Первый этаж правого флигеля занимали лобби мотеля – небольшой уголок с доской, увешенной ключами, закусочная, слабо претендующая на ресторан, кухня и прачечная. На втором этаже располагались комнаты для постояльцев, по какой-то причине остававшихся тут на неделю или две, а то и дольше, а третий этаж хозяйка всего этого великолепия делила с офисом администрации.

Мисс Нина Фернандес бывала здесь наездами.

Павел не спеша прошёл через ресторан, большая часть столиков пустовала, одинокая официантка разрывалась между немногочисленными посетителями, и подошёл к стойке портье. Камера на потолке следила за каждым его шагом.

– К мисс Фернандес, – небрежно кивнул он пожилому мужчине в форменном пиджаке, с приветливым морщинистым лицом, украшенным седыми бакенбардами и мощной лысиной, работавшему здесь уже, наверное, лет сто. – Отлично выглядишь, Чарли.

– Твоими молитвами, Пол, – портье нажал на экран, – хозяйка тебя уже минут двадцать как ждёт. Что от тебя хотел этот новенький полицейский?

– Не знаю, Чарли, у тебя хотел спросить. Давно он здесь?

– Недели две, – плечи портье поднялись вместе с бакенбардами, – прислали из Тампы, поговаривают, что он из людей Ташевского. Сначала всё что-то выспрашивал, а сейчас поспокойнее стал. Поглядим.

– Не моё это дело, – Павел кинул на стойку пластиковую пластинку в двадцать реалов, портье словно невзначай провёл над ней рукой, и деньги исчезли.

– Точно, не наше, – Чарли нажал на большую кнопку на столешнице, тренькнул сигнал лифта, открылась решётчатая дверь.

На третьем этаже царил полумрак, но Павел тут отлично ориентировался. Спокойно дошёл до третьей справа двери,

распахнул, и оказался в просторной комнате с панорамными окнами. Рядом с ними стояла мисс Фернандес, подтянутая женщина с роскошными светлыми волосами, высокими скулами и пухлым ртом, пышной грудью и широкими бёдрами, одетая в легкомысленный розовый халат с опушкой. На вид ей вполне можно было дать от двадцати пяти до тридцати, только едва заметные морщинки возле глаз и вертикальные – на лбу намекали об истинном возрасте.

– Нина.

– Павел, – женщина дождалась, пока он сам к ней подойдёт, слегка приспустила халат с плеч, обнимая парня, махнула рукой, постояла так несколько секунд, а потом затемнила наглухо стёкла. И чмокнула парня в щеку.

– Вырос ещё больше, Веласкес. Так ты скоро до потолка макушкой будешь доставать.

Халат вернулся на место, Павел рассмеялся.

– Что за привычка раздеваться, когда я здесь? Сегодня в борделе будет аншлаг, минимум пятеро с улицы пялились на тебя, когда я вошёл.

– Всё, что хорошо для бизнеса, хорошо и для меня. Что случилось?

– Меня отсылают делать репортаж где-то на побережье, так что в этот раз решил заглянуть к вам пораньше.

Нина провела Павлу ладонью по щеке.

– Спасибо, что приехал.

– Куда я денусь, – парень приобнял её, чмокнул в висок, и

направился к двери в соседнюю, смежную комнату, распахнул. – Ну что, где тут моя любимая больная? Триш, радость моя, выглядишь отлично.

Внизу, на улице, полицейский смотрел на затемнившееся окно, полубожажённая фигура хозяйки мотеля исчезла, один из завсегдатаев, тоже пялившийся на шикарную спину, присвистнул, поднял ладони, мол, никаких проблем офицер, и засеменил дальше, в сторону борделя. День был жаркий, и пот потихоньку выступал даже под формой из специальной ткани. Фергюссон стёр белоснежным платком капельки со лба, покачал головой, и набрал сообщение на планшете. Дождался, когда придёт ответ, ещё раз подошёл к байку парня.

Маги не создавали проблем последние полторы сотни лет, по крайней мере здесь, в окрестностях Лацио, у полицейского было чёткое указание от тех, кто негласно управлял городом – парня не трогать, только проследить. Ничего личного, правда, один из предков Фергюссона погиб, когда обезумевшие маги громили Нижний город и пытались прорваться в Верхний, но это было очень давно. Слишком давно для ненависти.

В комнате, освещённой одной лампочкой, дающей тусклый синеватый свет, на кровати сидела девочка лет семи со светлыми волосами, очень похожая на Нину, только худая и бледная, с прожилками вен на лежащих поверх одеяла руках.

Увидев Павла, она ойкнула и попыталась встать.

– А ну лежать, – парень пододвинул кресло к кровати, уселся, взял девушку за руку, кивнул Нине.

Та подкатила столик, на котором стояли три бутылки с апельсиновой водой и стакан.

– Ухудшений не было, – Нина ласково погладила девочку по голове. – Ест хорошо, куда только всё девается.

– Точно? – Павел с сомнением посмотрел на Триш, та закивала головой. – Ладно, красавица, сейчас будет немного больно.

– Я привыкла, – Триш усмехнулась по-взрослому серьезно.

– Это плохо, привыкать надо к хорошему, – Павел глубоко вздохнул, стянул с левой руки браслет, надел на руку девочки, положил обе ладони ей на виски.

Рядом Нина с секундомером стояла, следя за временем.

– Сто, – наконец сказала она, парень оторвался от Триш, которая заметно порозовела, позёвывала и чуть ли не спала, нацепил браслет обратно, выпил воды. Нина вытерла пот с его лба.

– Пару минут, и продолжим, – Павел подмигнул девочке. – Чувствую, я в отличной форме, так что сегодня у нас увеличенная программа. И динамика хорошая, с прошлого раза прошло сколько, пять недель? Но изменений особых я не почувствовал, организм адаптируется всё быстрее.

Прodelать то же самое в пятый раз ему Нина не дала.

– Нет, – заявила она. – Я не хочу тут тебя похоронить. Достаточно. Идём.

И кивнула на Триш. Девочка спала, казалось, она даже округлилась, очертания лица стали мягче, щеки обрели плотность и румянец.

– Не очень-то я и устал, – Павел привстал с кресла, пошатнулся. – Нет, нормально всё. Небольшая слабость, сейчас пройдёт.

Он кое-как добрёл до гостиной, уселся на диван, чуть не промахнувшись, поморгал, поморщился от головной боли, накатывавшей приступами. Нина села рядом, прижала парня к себе.

– Может, ещё раз попробовать вживить модификант?

– Когда ты пыталась последний раз, год назад? – парень зевнул. – Ей уже восемь, в этом возрасте имплантат приживается у единиц, ты это знаешь лучше меня. Но пробовать стоит, может, ещё через год.

– А если не получится?

– Не знаю, – Павел покачал головой, – организм отторгает имплантат, если ребёнок – будущий маг. В её возрасте это обычно уже известно, происходит выброс энергии, после которого есть несколько лет для адаптации, когда человек особенно уязвим, так что остаётся только ждать, что это произойдёт, если только не возникла новая мутация. Возможно, планета просто привыкает к нам, пытается понять, как себя

с нами вести.

– Или пытаются нас уничтожить, – Нина горестно усмехнулась. – Две с половиной сотни лет назад маги жили без всяких браслетов, и прекрасно себя чувствовали. Рождались в каждой семье.

– Только выживал один из пятидесяти, и это были не совсем люди, – парень зевнул широко, потянулся. – Не думаю, что ты захочешь такого для своей дочери. Поэтому будем пытаться дальше и дальше.

– Знаешь, конечно, я готова для Триш на всё, потому что я её мать, если надо будет убить кого-то, чтобы она жила, я это сделаю. Но каждый раз, когда ты здесь пытаешься уничтожить сам себя, у меня в груди кошки скребут. Не буду даже спрашивать, чего тебе это стоило. Ты ведь, как всегда, не расскажешь.

– Ты преувеличиваешь, – слабо улыбнулся Павел. – Ничего я себя не убиваю, это я сейчас хреново выгляжу, а дай мне часок, и буду в отличной форме. Может, даже в соседнее крыло загляну, пощупаю ваших девочек.

– Всё шутишь, – хозяйка мотеля похлопала его по руке, – Я же чувствую, как тебя стало меньше, словно часть души отдал. Ты ничем не обязан Элайе, мне кажется, отец взял тебя из приюта не потому, что хотел дать лучшую жизнь или новую семью, а для того, чтобы ты лечил его внуку. Этот старый козёл, хоть и нехорошо так о покойниках, только о выгоде и думал.

– Ты это уже говорила, – слабо улыбнулся Павел, широко зевнул.

– И скажу ещё раз.

– Эй, прекрати. Тогда мне было всего одиннадцать, твоей дочке ещё даже в проекте не существовало. И вообще, со мной всё будет в порядке. И с Триш тоже, ей уже восемь, ещё три-четыре года, она окончательно адаптируется, – парень говорил, а голова его клонилась вниз, глаза закрылись. – Нацепит наконец браслет, и будет...

Он свалился на подушку, которую Нина ловко подпихнула ему под голову, и засопел. Женщина накрыла его пледом, погладила по голове, и ушла к дочери.

Через полтора часа Павел, отдохнувший и выспавшийся, подмигнул Чарли, выйдя на улицу, послал затемнённом окну воздушный поцелуй, и под завистливыми взглядами старожилос оседлал байк.

Глава 05.

Марковиц с женой жили в старом районе Нижнего города, начинавшегося на углу Восьмой улицы и бульвара отца Фернандеса, одного из тех миссионеров, что когда-то решили нести слово Божье на новую землю. Католический собор, стоявший в самом начале бульвара, построили двести лет назад, и его владельцем был один из потомков местного святого. В подвале собора расположился игорный клуб, вполне приличное заведение, где играла тихая музыка и крутилась рулетка. Несмотря на такое соседство, прихожан это не смущало, наоборот, многие после исповеди туда и шли.

Одноэтажный дом из красного кирпича ничем не отличался от таких же, расположенных вверх и вниз по узкой улочке. Выкрашенный серебристой краской почтовый ящик, лет сто уже не видевший ни почты, ни почтальона, тем не менее явно чего-то ждал – краска была новой, адрес на боку отчётливо читался, а замок в виде аиста смотрел на проезжающие байки и велосипеды. От улочки дорожка вела к живой изгороди, переходящей в невысокую ограду, а дальше, через проём ворот, достаточный, чтобы проехал небольшой грузовичок – к гаражу, стоящему отдельно от основного дома. Сразу за гаражом находился заросший водорослями бассейн. Последний ребёнок Марковицей уехал из родительско-

го дома год назад, сам репортёр и его сварливая, вечно всем недовольная жена к водным развлечениям были равнодушны, а починка системы рециркуляции воды стоила дорого.

Павел подъехал к дому, когда уже стемнело. Лечение Триш каждый раз выматывало его до опустошения, и даже глубокий сон, плотный обед, а потом два часа в седле байка не дали даже каплю бодрости. В принципе, общение с Дэвидом можно было отложить и на другой день, но насчёт завтра у Павла были определённые сомнения, и Карпов его ждал только через два часа, домой возвращаться не было смысла. Ничего такого от визита он не ждал, можно было и по телефону узнать, но Марковиц с обеда упорно не отвечал. Дэвид был репортёром, как говорят обычно, старой закалки – то, чем работники редакций становятся годам к пятидесяти, когда вырастает животик, а голова начинает лысеть. В репортажах появляется снисходительный тон, активный отдых заменяется крепкими спиртными напитками и сигарой у камина, беззаботное поведение уступает занудству и педантичности. Такая эволюция происходит с каждым поколением, столетие за столетием, и не только с репортёрами.

Возле живой изгороди лучи уличной подсветки выхватывали всполохи защитного барьера, в доме светились два крайних окна, так что Павел спокойно провёл байк через тонкие светящиеся линии, хозяин небольшой усадьбы, если не напился в хлам, уже должен был понять, что к нему пришли гости. Дом стоял на двухметровом фундаменте, почва в

Нижнем городе была глинистой, вода подходила почти к поверхности, и подвалы заменял низкий цокольный этаж. Высокое крыльцо с каменными ступеньками было едва освещено. Павел мог бы поклясться, что раньше, а он у Марковица уже бывал, свет от потолка был гораздо ярче.

Маг постучал в дверь, поправил браслет. Возле гаража, казалось, кто-то стоял. Наверное, деревья так отбрасывали тень, что она была похожа на человека.

– Эй, Дэвид, – крикнул Павел. – Это я, Веласкес.

Ему показалось, или тень возле гаража шелохнулась. Приютские привычки давали себе знать, если даже только кажется, что кто-то приготовил подлянку, жди, она обязательно случится. Карабин остался в байке, но пистолет привычно висел на поясе – в поездках за город оставлять оружие вне досягаемости для рук не рекомендовалось, и дело было не только в опасных животных и птицах, но и в маргинальных личностях, которые в джунглях возле дорог, или в горах, себя неплохо чувствовали.

Он достал телефон – на экране светилось сообщение, что связь возможна только с экстренными службами, какой-то дурацкий закон района запрещал посторонним тут названивать. Клапан кобуры откинулся, и рукоять Глока легла в руку. Пороховое оружие не такое незаметное, как магнитное, но стреляет не хуже. Правда, зарядов меньше, зато не надо менять батарею и беспокоиться, что пистолет могут дистанционно взломать.

— Дэвид, я захожу, — Павел приготовился выбить дверь ногой, он одновременно следил домом и за тенью у гаража, та не двигалась. Перчатки он снимать не стал, тонкий материал отлично передавал тактильные ощущения.

Дверь выбивать не пришлось, она открылась от слабого толчка. Включив на пистолете фонарь, парень дотронулся до шлема, опуская забрало из прозрачного металла, в поле зрения появилось перекрестье прицела. Бойцы вживляли себе такое в череп, у мага модификанты не приживались, но встроенное оборудование работало отлично. Включилась инфракрасная подсветка — незаменимая вещь в тёмное время, и практически бесполезная тогда, когда температура на улице почти равнялась температуре человеческого тела. Темнота не помогла, на гараж хозяева тратиться не стали, дешёвая отражающая краска пошла на дом, так что кирпичные стены постройки за день сильно нагревались, и часть тепла отдавали только к утру.

Сначала он подсветил цель у гаража — там было пусто. С новой раскрашенной зелёным картинкой трудно было понять, осталась тень или нет, фонарь выхватил деревья и кирпичную стену с баскетбольным кольцом. Процессор достроил картинку, изображение приняло привычный вид, но никого на ней не было. Зайдя в дом, Павел плотно прикрыл дверь, проверил замок — тот запирался изнутри нажатием кнопки, а разблокировался ладонью хозяина и специальным кодом. Код он помнил, пять цифр, месяц и год рождения

третьего ребёнка Дэвида. Теперь, если кто посторонний захочет выйти, ему придётся попотеть.

Холл был практически пуст, небольшой диван, столик и стойка с обувью, направо шли три спальни, а налево, там, где горел свет, большая столовая с кухней, барной стойкой и электрокамином. Из холла люк вёл в цокольное помещение, он был заперт, Павел переставил на него столик, теперь, если кто решит оттуда выбраться, обязательно на шумит. Шагнул влево. Столовая тоже была пуста, в том смысле, что никого живого там не было, правда, и мёртвых тоже, и поначалу Павла это успокоило, мало ли куда Дэвид вышел. Но потом он увидел на барной стойке пластинку телефона.

Со стороны спален слышалось шуршание, парень притаился, а потом не торопясь двинулся обратно в холл, по пути включая свет. У неподготовленного человека это вызовет неудобство, глаза адаптируются несколько секунд, но, если тот, кто притаился там, в темноте, ещё и зрение модифицировал, Павлу это не поможет. Так что он не стал соваться в коридор, а стянул с руки браслет и начал в уме считать до двадцати. Время, достаточное, чтобы таинственное излучение планеты снесло с него часть человечности.

Теперь у него было восемьдесят секунд – и это будет уже седьмая попытка за сутки, Павел пожалел, что вообще полез в дом, надо было вызвать полицию. Выставив вперёд обе руки, одну с пистолетом, другую, левую, ладонью вперёд, он толкнул ближайшую дверь. Это была ванная комната, совер-

шенно пустая.

Продолжая смотреть то в коридор, то вбок, он добрался до второй двери, осторожно подтолкнул полотно ногой. Дверь тихо скрипнула, легко распахнулась, шорох шёл отсюда и не прекращался.

Павел вздохнул. На кровати сидела маленькая обезьянка и что-то жевала. При виде парня она не попыталась сбежать, покрывало было заплевано шелухой от орехов и фруктовой кожурой.

«Когда ты в опасности», – вспомнил он слова Патрика Кавендиша, командира роты спецназа, – «наступит момент, и тебе покажется, что ты нашёл её источник. Не расслабляйся, наоборот, будь начеку, это значит, что главная опасность ещё впереди.»

Он не расслаблялся, оставалось ещё сорок пять секунд.

Следующая дверь не поддавалась, размышлять было некогда. Оставались спальня и ещё одна ванная, можно было провозиться с одной дверью или быстро открыть две. Логика подсказывала, что второй вариант лучше, а интуиция, что первый. Будь на нём браслет, логика бы победила.

Павел нажал на дверь сильнее, она с трудом отворилась, толкая перед собой что-то тяжёлое. Что именно, он уже догадывался, протискиваясь в образовавшуюся щель, а когда включил свет, это подтвердилось.

На коврике возле двери лежал Марковиц. И он был мёртв, синее лицо с вылезшим языком, выпученные глаза, но Павел

всё равно присел, на остатках сил приложил руку к груди. Сердце не билось.

На первый взгляд это был insult, любой врач сказал бы так. Но Веласкес врачом не был, и точно знал, как всё могло произойти, если убийцей был такой же как он маг. Хватательное движение левой рукой, ладонь направлена на жертву, пальцы сжимаются, резко повышая давление в определённой точке и заставляя артерии мозга лопнуть. Одно быстрое движение, и противник мёртв. Павел тоже так мог сделать, теоретически, правда, для этого ему надо было досчитать как минимум до тысячи.

Будь труп свежим, Павел мог бы сказать точно, магический это удар или нет. Но Марковиц успел окоченеть, след чужого воздействия, даже если оно было, уже исчез. Павел хоть и не был знатоком в области медицины, но что-то такое им в приюте вдалбливали, вроде как прошло от трёх до двенадцати часов, потом тело снова становится мягким, как в момент смерти.

Браслет занял место на левой руке на девяносто пятой секунде. Осторожно передвигаясь, маг прошёл в холл, поморщился. Предстояло ещё одно неприятное дело. Левую перчатку пришлось стянуть, как и браслет, два раза за несколько минут – это перебор, но зато эффект от предыдущей порции силы ещё оставался. Парень представил Марковица, его ладонь, приложил свою к сканеру, другой рукой набрал код, дверь распахнулась.

Байк стоял на том же месте, связь между шлемом и чипом не прерывалась, хотя ни в чём нельзя быть уверенным, Павел вскочил в седло, и набирая скорость, пересёк защитный барьер. Полиция, если появится, будет просматривать записи с камер, у Марковица они были отключены, сколько он его знал, а соседские камеры смотрели на собственные участки. Оставались уличные, тут всё зависело от района, если они связь вырубали, то с камерами могли сделать то же самое.

Ждать, пока появится полиция, маг не стал, если кто-то хотел его подставить, то стражи порядка давно уже были бы во дворе, поджидая убийцу около двери. Тогда браслет лишь бы ухудшил положение дел, самое оптимистичное, что ждало Павла, это бессрочная ссылка на остров Проклятых к таким же спятившим магам. Говорят, там периодически кто-то остаётся в живых, но ненадолго, друг друга маги после слияния с полем планеты ненавидят так же, как и остальных людей.

Парковка возле католического собора была плотно забита, люди шли сначала наверх, избавляться от грехов, а потом вниз, за новыми. Павел сразу прошёл вниз, охранник у входа кивнул и отодвинулся, пропуская на ведущую в клуб узкую лестницу. Сначала Веласкес хотел рассказать всё Карпову, но подумав, решил этого не делать до тех пор, пока не узнает, что предстоит завтра.

Внизу его перехватил Войцех, номинальный хозяин клу-

ба, маленький худенький человечек с добрым лицом, которого везде сопровождали двое громил, нафаршированных модификаторами. Обычный имплантат, увеличивающий скорость реакции или внимание, требовал пяти миллилитров специального стимулирующего раствора на шесть часов, в этих ребятах таких вживлённых штук было не меньше пяти, и совсем не в базовой версии. Пятьдесят, а то и семьдесят миллилитров на двоих, это почти две тысячи реалов. Даже полиция не могла себе такого позволить, а Войцех – мог.

– Через полчаса, – кинул он Павлу, правый громила поднёс сканер к браслету, удостовераясь, что тот – подлинный.

Глупая предосторожность, если бы это украшение было поддельным, то через несколько минут на месте клуба остались выжженные развалины и куча трупов. Были ловкачи, которые пытались обмануть систему, меняя незаметно настоящий браслет на имитацию, всё заканчивалось плачевно, прежде всего для них. Резко попавшего в поток мага легко было вычислить по заторможенной реакции и блаженному выражению на лице, насколько Павел знал, никому ещё не удавалось надолго снять браслет, а потом самостоятельно его надеть – слишком велик был соблазн могущества. Этому учили в приютах в первую очередь, на первом же уроке по контролю, и всё равно находились идиоты, которые не верили другим и слишком верили в себя.

Подвал занимал площадь в несколько раз большую, чем стоящий сверху собор. Раньше это были помещения для слу-

жителей церкви, но потом те расселились по собственным домам, и пустующие комнаты сдавали в аренду. На Параизу все места культа кому-то принадлежали, и просто так простаивать потенциальному источнику доходов мало бы кто согласился. В клубе не было автоматов для игры, только человек против человека. Игрок против крупье. Рулетка, баккара и крэпс. Никакого блэк-джека со шлюхами и бесплатных крепких напитков, все-таки церковь наверху.

Павел прошёлся по рядам, поставил на одном из столов на чёрное, проиграл, потом поставил на двенадцать и тоже проиграл. Это был солидный клуб, но не из высшей лиги, и ставки в двадцать реалов никого не смущали. За одним из столов парень увидел Лидию.

Невысокая, с чёрными прямыми волосами, коротко подстриженными, в неброском и очень дорогом, облегающем стройную фигуру как перчатка, платье, открывавшем ухоженные руки с изящными длинными пальцами и слегка выступающими мускулами. Стройные ноги в красных туфлях за четыре тысячи на тонкой шпильке. Узкое надменное лицо с большими зелёными глазами и высоким лбом, чётко очерченные скулы, пухлая верхняя губа и ямочки на щеках. Голос у Лидии был низкий и хрипловатый, он завораживал своим тембром и интимной, создающей иллюзию родственности и близости интонацией. О таких говорят – дорогая штука.

Лидия была одной из первых женщин Павла два года на-

зад, когда он только переехал в столицу и устроился в редакцию. Покер и бридж тогда не были для него основным средством заработка, но встретились они как раз за покерным столом, Павел проигрался вчистую, зато в качестве приза получил её.

На следующее утро она выставила его из своего дома в Верхнем городе, правда, сначала напоила дрянным кофе, а потом вежливо, но твёрдо попросила уйти.

– Ты слишком хорошего о себе мнения, красавчик, – сказала она, когда Павел заикнулся о следующем свидании. – Любая женщина захочет с тобой переспать, потому что ты – маг, редкая зверушка в коллекции, но только один раз, потом ощущение новизны пропадает, так что не обольщайся. Ты ведь не обиделся, котик?

С тех пор у них были исключительно рабочие отношения, точнее говоря, с того дня, как Карпов взял Павла к себе. Это случилось через полгода после их с Лидией знакомства, всё это время к нему приглядывались и оценивали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.